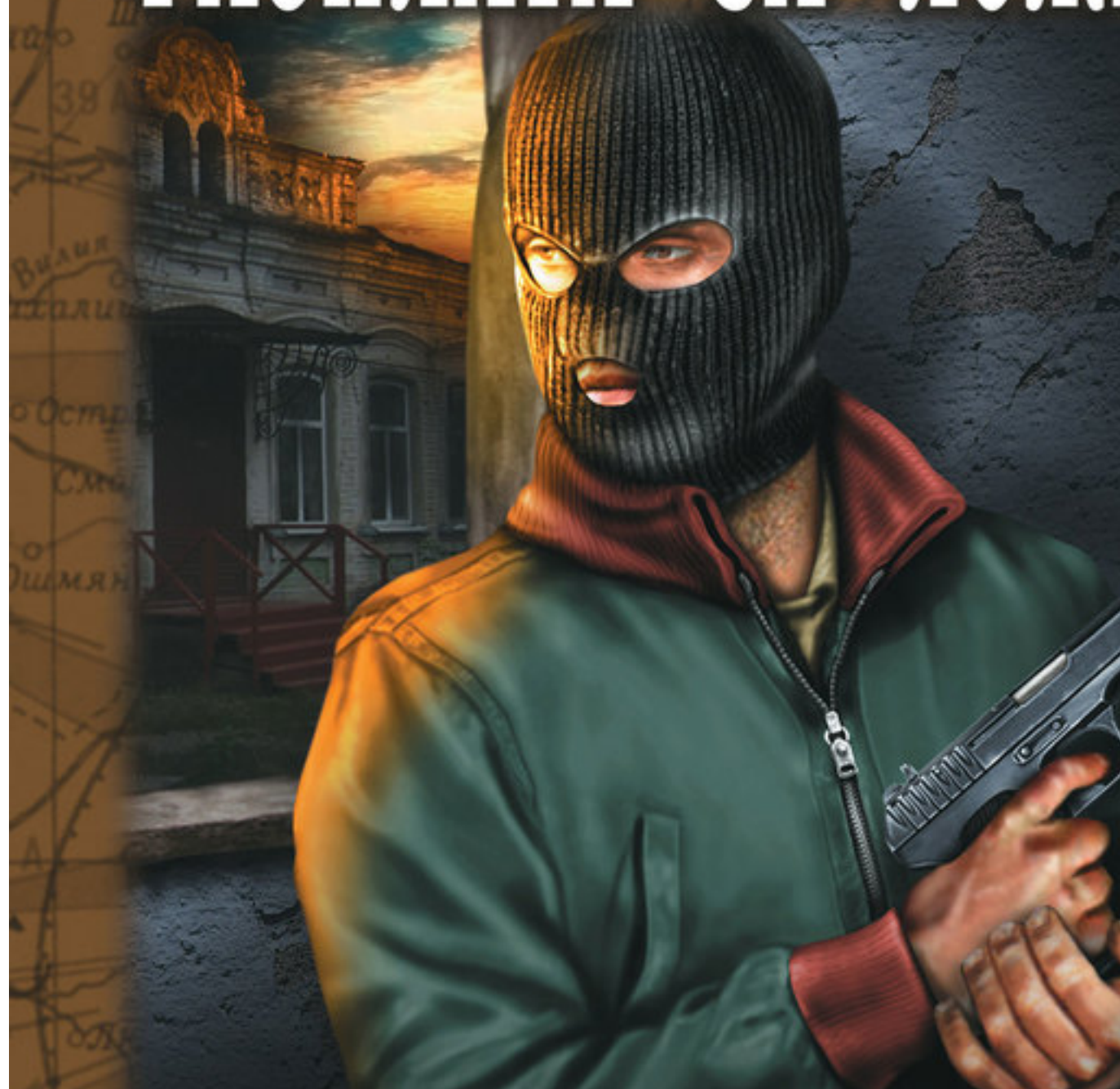

Военные
Приключения

РАСПЛАТА ЗА ЛОЖ

Михаил Черненко
Расплата за ложь
Серия «Военные приключения»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170718
Расплата за ложь/ Черненко М.Я.: Вече; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-7380-1, 978-5-4444-1263-3*

Аннотация

«У оконца, на грубо сколоченном столе, лежали исклеванные сорокой ломти хлеба и крупно нарезанные куски колбасы. Рядом стояла ополовиненная поллитровка. На грязном полу, зажав в руке нож и уставив в потолок остекленевшие глаза, лежал мужчина. На левой стороне груди запеклось бурое пятно крови». А началось все с обычного, казалось бы, ограбления... В новую книгу признанного мастера отечественного остросюжетного жанра включены произведения, в которых хорошо известный читателю Антон Бирюков и его коллеги вновь идут по следу дерзких и хитроумных преступников.

Содержание

Расплата за ложь	4
Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Фартовые бабочки	39
Глава 1	39
Глава 2	41
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Черненко

Расплата за ложь

Расплата за ложь

Глава 1

Воскресное августовское утро выдалось на загляденье ясным и умиротворенно тихим. Белесая пелена тумана, застилавшая с вечера деревенскую улицу, после восхода солнца разом исчезла, оставив на траве обильную росу. Накануне несколько дней кряду прошли грибные дожди, и сельский участковый милиции Александр Двораковский, бреясь у распахнутого окна, подумал, что по случаю выходного надо бы побродить с лукошком за оклицей, где в березовом подлеске наверняка появились ядреные груздочки. Осуществить эту задумку помешала запиликавшая трубка мобильного телефона. Участковый, выключив электробритву, ответил на вызов и услышал знакомый голос фермера из соседней деревни Веселая Грива Андрея Монетова:

- Саня, ты можешь ко мне сейчас подъехать?
 - Срочно? – уточнил Двораковский.
 - Желательно побыстрее.
 - Что у тебя случилось?
 - Магазин райпо обворовали.
 - Чего там воровать? Насколько я знаю, эта коопторговская лавка давно в Веселой Гриве не функционирует. Селянам и твоего магазина за глаза хватает.
 - Конкуренция. Понимаешь, чтобы не искушать выпивох, я перед уборочной страдой прекратил продажу алкогольных напитков. Райповские мудрецы воспользовались моментом. Завезли в свой магазин фургон спиртного и вместо ушедшей на пенсию продавщицы тети Дуси прислали из райцентра Клаудию Шиффер...
 - Кого?!
 - Местные школьники так окрестили Клавку Шиферову.
 - Шиферова... Игривая блондинка с параметрами популярной фотомодели?
 - Да. Твоя землячка, из Березовки.
 - Знаю. Когда заканчивал школу, Клава в шестом классе училась и отчаянно строила голубые глазки старшеклассникам.
 - Она и теперь напропалую стреляет озорными глазами.
 - В районную милицию не звонил?
 - Нет, решил сначала тебе сообщить... – в трубке послышался глубокий вздох. – Тут у меня еще одно чэпэ.
 - Какое?
 - Рассказывать долго. Короче, Саня, приезжай.
 - Ладно, Андрей. Сейчас позавтракаю на скорую руку и оседлаю мотоцикл.
- Торопливо перекусив, Двораковский надел летнюю форменную рубашу с погонями старшего лейтенанта милиции и фуражку с эмблемой двуглавого российского орла. На крыльце впопыхах чуть не столкнулся с женой, которая несла в избу подойник парного молока.
- Выходной день, а ты спозаранку в форму нарядился, – удивленно сказала она.
 - В Веселой Гриве кража. Надо по горячему следу разобраться.

– Опять двадцать пять! Откуда там воры взялись. Там же, считай, одни пенсионеры живут.

– Халявной наживе все возрасты покорны, – шутливо ответил участковый.

– Вот досада... Хотела сегодня уговорить тебя сходить в лес за груздями.

– Сам, Оленька, такой замысел имел, да... Служба есть служба. Кстати, Оль, ты Клаву Шиферову помнишь?

– Еще бы! В начальных классах за одной партой с ней сидела.

– Как она, на твой взгляд?

– Училась неплохо.

– А вообще?

– Хвастунья. Точнее сказать, бесшабашная оптимистка.

– Давно ее видела?

– Месяца два назад, когда в райцентр за туфлями ездила. Случайно зашла в роскошное кафе «Русалочка» и ахнула. Клава в белом брючном костюме «Армани», словно артистка, покуривает сигарету за стойкой бара и коктейли готовит. Увидев меня, обрадовалась. Между делом битый час мне рассказывала, кому живется весело, вольготно на Руси.

– Она же после школы, кажется, в Новосибирск уезжала.

– Да, уезжала. Окончила там курсы модных парикмахеров, но по специальности работать не стала.

– Почему?

– Говорит, рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше.

– Не замужем?

– С ее слов, в Новосибирске пару раз выходила неофициально за преуспевающих бизнесменов, да неудачно. Измученные погоней за большими деньгами богачи оказались «недееспособными мужиками». Ты что это, милый, заинтересовался Клабочкой?

– В Веселой Гриве райповский магазин, где она работает продавцом, обворовали.

– Странно... Клава всегда брезгливо морщилась при разговоре о деревенской жизни, хотя родилась и выросла здесь. Какая нелегкая загнала ее в Веселую Гриву?

– Разберусь – отвечу на твой вопрос.

Глава 2

От Березовки, где жил участковый, до Веселой Гривы по проселочной дороге было около пяти километров. Основанная переселенцами в годы Столыпинской аграрной реформы деревня по сибирскому обычаю вытянулась одной улицей вдоль высокого берега небольшой запруженной речки. Первым, кого увидел участковый, въезжая на мотоцикле в деревню, был восьмидесятилетний Евлампий Огоньков. Возле почерневшего от времени пятистенного дома с резными оконными наличниками и красной ветеранской звездочкой на тесовых воротах сухощавый жилистый старик, посапывая короткой трубкой-носогрейкой, поправлял седло на понуро стоявшем мерине. Подвернув к нему, участковый заглушил мотоцикл. Поздоровавшись, спросил:

– Куда, Евлампий Сидорович, спозаранку коня седлаешь?

Огоньков вынул изо рта чадающую самосадом трубку:

– Здорово, Сашок. Андрюха Монетов уговорил частное стадо попасть.

– Моложе тебя пастуха не нашлось?

– Пастухом мы вскладчину Кузьму Сумеркина наняли, да у Кузи седни ОРЗ...

– Летом простудился?

– Не, опять разгильдяй запил. Я хотел ныне утренней зорькой карасей на пруду поудить, но Андрюха подкатил. Дескать, выручай, дед Евлампий. «Ты единственный из пенсионеров, кто не разучился верхом на лошади ездить». Отказать фермеру не посмел. Он теперь у нас и царь, и Бог, и воинский начальник. Колхозный-то уклад махом профукали.

– Сожалеешь о прежней жизни?

– Да мне какого хрена жалеть? Я раненый фронтовик. Больше трех тысяч пенсионных ежемесячно огребаю. Вот не дотянувшие до пенсии мужчины пали духом. Ходят, будто в штаны наложили. Организовать свое фермерство тямю не хватает. Другой общественной работы, акромя как у Андрюхи Монетова, на селе днем с огнем не найти. Андрюха хозяин сурьезный, не каждого принимает. Особо алкогольного запаха не терпит. Тех, от кого сивухой несет, к технике близко не подпускает. А на тверезую голову некоторые специалисты, мать их за ногу, и трактор завести не умеют.

– Здорово пьют?

– Гуляют! С утра – подшофе, к вечеру – лыка не вяжут.

– Самогон варят?

– Кто самогон, кто бражку. Да и в сельповском магазине водки – хоть захлебнись.

– Большая там кража?

– Шут ее знает. Наверное, водку уперли. На мой прикид, Клашка Шиферова теперь большую растрату на воров спишет. Ух, верткая девка! Сначала на счетной машинке определит правильную сумму, потом на конторских счетах погоняет костяшки туды-сюды и говорит цену какую попало.

– Обсчитывает покупателей?

– Без стыда без совести. Недавно буханочку ржаного хлеба и десяток коробков спичек у нее купил. И вот при столь малой покупке на целую рублевку меня объегорила. Когда смикнул обсчет, вернулся в магазин. В ответ на мою претензию, Клаша, не моргнув глазом, прощebetала: «Дедуля, деньги надо считать, не отходя от кассы». Ты, Сашок, при расследовании кражи держи ухо востро. Клашка играючи может тебе мозги запудрить.

– Она теперь в Веселой Гриве живет?

– Здесь, рядом с магазином. У бабки Анисьи Огурцовой квартирует.

– Спасибо, Евлампий Сидорович, за информацию, – сказал участковый и завел мотоцикл.

Магазин райпо располагался в небольшом бревенчатом доме с зарешеченными окнами и деревянным крыльцом под островерхим навесом, укрепленным двумя точеными столбиками. На крыльце сидел загоревший до черноты фермер в защитного цвета комбинезоне и клетчатой рубаше с засученными рукавами. Рядом с ним примостилась сморщенная Ани-сья Огурцова. У ног старухи, обутых в резиновые галоши, свернувшись калачиком, дремала рыжая дворняжка. Здесь же стояла и Клава Шиферова, прислонившаяся плечом к одному из столбиков. В светло-сером строгого покроя пиджаке и такой же юбке, облегающей чуть полноватые бедра, с красивой дамской сумочкой на длинном ремешке она скорее походила на деловую даму из районной администрации, чем на сельскую продавщицу.

– Что у вас стряслось, земляки? – слезая с мотоцикла, спросил Двораковский.

– Банальная кража, – поднимаясь на ноги, хмуро ответил Монетов, а Шиферова словно обрадовалась:

– Ой, Сашенька! Сто лет тебя не видела.

– Не погибай, Клавочка, – участковый улыбнулся. – Мне от роду всего-то тридцать годиков.

– А в форме выглядишь солидно.

– Ты тоже недурно смотришься, – Двораковский обвел взглядом зарешеченные окна и перевел разговор к делу: – Как воры проникли в магазин?

– Со двора, через подсобку. Гвоздем отомкнули навесной замок, – расстроено сказала Шиферова.

– Много добра унесли?

– Без полного учета трудно сказать. На первый взгляд, кажется, взяли три пол-литровых бутылки водки «Столица Сибири», кружок полукопченной колбасы, буханку белого хлеба и недельную выручку забрали.

– Сколько?

– Десять тысяч рублей.

– Не больше и не меньше? – уточнил Двораковский.

– Ровно десять, Сашенька... Разными купюрами, завернутыми в целлофановый пакет...

Огорченно вздохнув, Шиферова пояснила, что вчера после обеда не торговала. Ездил в райцентр по личному вопросу. Сдала в химчистку выходной костюм. Там встретила главную бухгалтершу райпо, которая забирала почищенную дубленку, и поинтересовалась, когда можно получить зарплату. «Сколько у тебя выручки за неделю набежало?» – спросила главбух. «Десять тысяч приготовила для передачи инкассатору». – «Хотя завтра воскресенье, но утром я буду в конторе. Привози деньги. Оприходуем их, и получишь заработанное». Сегодня проснулась пораньше, чтобы не опоздать на проходящий рейсовый автобус, останавливающийся на трассе у околицы деревни. Зашла в магазин за деньгами. Открыла ящик, где лежала упаковка с выручкой, и остолбенела – в ящике осталась только пригоршня разменных монет.

Едва Шиферова умолкла, испуганно слушавшая Ани-сья Огурцова глянула на участкового и торопливо зачастила:

– Саша, не надо ходить к гадалке. Я без ворожбы назову тебе подлинных воров. Это, так и знай, Кузьма Сумеркин с прижившимся у него другом грабеж учинили. Они ж, негодники, в прошлом месяце чуть не оставили меня без пенсии. Договорилась с алкашами за пятьдесят рублей расколоть на дрова березовые чурки. Вечером, когда коров с пастбища пригнали, заявили. Часа за полтора хорошую поленницу нахряпали. Зашли в избу. Я полсотенную бумажку им отдала, а остальные деньги завернула в тряпочку и сунула на кровати под подушку. Попросили работнички студеной воды. Принесла от колодца им полный ковшик. Осушили до дна и попрощались. После их ухода у меня что-то сердце екнуло. Одну

подушку подняла, другую, а заначки-то моей тю-тю. Выбежала во двор, как помешанная. Не уследила, в какую сторону подались обормоты. Хорошо, Кузя Сумеркин по забывчивости оставил на поленнице замызганную кепку. Сунула ее Шарику под нос: «Ищи, Шарик, воров!»... – старушка погладила наострившую уши дворняжку. – Не поверите, кобелек аж чихнул от Кузино запаха, покрутил мордой и побежал к пруду. Я – за ним что есть мочи. Когда доковыляла до пруда, друзья, сидя на бережку, уже приканчивали из горлышка поллитровку. Каюсь, ох, и дала им чертей! Кузя ударился в амбицию: «В гробу мы видали твою пенсию!» Ему, дураку, ни милиция, ни полиция не страшны. А друг, видать, сдрейфил. Беспрекословно вернул тряпицу с деньгами и стал успокаивать: «Тише, тише, бабка. Это мы с Кузьмой пошутили»... – Анисья быстро перекрестилась. – Вот, истинный Господь, Саша, не вру. Если имеешь сомнение, спроси у Евлампия Огонькова. Евлашка в тот момент сидел у пруда с рыбацкими удочками и весь тарарам слышал.

Андрей Монетов усмехнулся:

– Почему, Анисья Петровна, вчера не рассказала эту историю? Попросили бы твоего Шарика, и он, смотришь, отыскал бы потерявшегося Кузьму.

– Дак, вчера я не знала об магазинной краже. Клава только ныне утром воровство обнаружила, – виновато ответила Огурцова.

– Сумеркин действительно потерялся? – спросил участковый.

– Понимаешь, Саня, это то самое чэпэ, о котором я не стал тебе говорить по телефону. Дело такое... Кузьме недавно исполнилось шестьдесят лет. Надумал мужик хлопотать пенсию, а у самого, кроме колхозной трудовой книжки, никаких документов нет. С прошлого лета начал ему вдалбливать: «Без паспорта пенсию не назначают. Съезди в райцентр, получи новый паспорт». Кузьма в ответ: «Некогда ехать. Я каждый день пьяный».

– На какой заработок пьет?

– Угощают. Одному дров, как Анисье Петровне, наколет. Другому навоз из хлева вычистит. У третьего авансом стакан самогона выпросит. Мужик он хотя и с ленцой, но безотказный. Нынче с весны подрядился пасти частный скот. Я предлагал ему для облегчения пастьбы лошадь – отказался: «Шмякнусь пьяный из седла – и поминай как звали».

– Что за друг у него появился?

– По паспорту – тридцатидвухлетний Эдуард Кипятилов из райцентра. По живописной татуировке – уголовник со стажем.

– Не родственник Сумеркина?

– Нет, просто братья по отсутствию разума. Короче, в июле отвез я Кузьму в райцентр. Написал за него заявление насчет паспорта и оставил дожидаться результата. Вечером Сумеркин явился домой с другом и заявил мне, что завербовал в районном центре подпаса. Мол, одному стало тяжело пасти. Вначале я хотел сразу выпроводить «завербованного» из деревни, но, подумав, решил присмотреться. Больше месяца все шло по уму, а вчерашним вечером, понимаешь, стадо вернулось с выпаса без пастухов. И утром сегодня ни Кузьму, ни «подпаса» в деревне не нашли. А вдобавок – кража... Наверное, в уголовный розыск о них надо заявить, да?

– Посмотрим по обстоятельствам, – задумчиво проговорил участковый.

Примолкшая было Анисья Огурцова мигом встала:

– Куда они денутся! Пропьют в райцентре украденные деньги и приедут, обормоты, к насиженному месту, будто не виноватые. Друг, возможно, скроется, а беспаспортному Кузе, кроме села, деваться некуда.

Задумавшись, Двораковский не заметил, как Шиферова закурила тонкую дамскую сигарету. Собираясь с мыслями, он сказал:

– Первый раз, землячка, вижу тебя курящей.

Шиферова досадливо нахмурилась:

– От такой жизни закуришь, запьешь и заматерись. Десять тысяч – не кот наплакал.

– Не огорчайся. Проведем осмотр места происшествия, поищем следы, улики и в оперативном порядке задержим преступников.

К сожалению, ничего утешительного для расследования осмотр не дал. Ни на чисто вымытом полу магазина, ни в узком проходе между штабелями водочных ящиков даже намек на следы обуви не было. Единственной уликой являлся небольшой навесной замок, зацепленный откинутой дужкой за металлическое кольцо пробоя на двери подсобки, выходящей во двор. Вместо ключа в замке торчал изогнутый ржавый гвоздь.

– Клава, кто же такой игрушечной прищепкой закрывает магазин? – с упреком посмотрев на Шиферову, спросил участковый.

– Говорила я председателю райпо, что надо заменить замок. Он отмахнулся. Дескать, в Веселой Гриве народ не вороватый, – со вздохом ответила продавщица.

– И ты успокоилась?

– Знать бы, где упасть, соломки можно было постелить.

– Вот так и живем. Пока гром не грянет, не перекрестимся, – Двораковский тоже вздохнул. – Принеси-ка целлофановый пакет, чтобы упаковать замок для экспертизы.

Присутствовавшая при осмотре в качестве понятой Анисья Огурцова угодливо предложила:

– Если надо, щас притащу хороший амбарный замок. Можно?..

– Можно, – сказал участковый. – Составим протокол, замкнем магазин, опечатаем и вызовем из райпо комиссию для учета материальных ценностей.

– Как воров теперь искать? – спросил Андрей Монетов.

– Передам в районную милицию ориентировку с характерными приметами подозреваемых, и дорога им будет перекрыта.

Передавать в РОВД ориентировку не пришлось. Только-только Двораковский управился с оформлением необходимых юридических формальностей, к магазину неожиданно пригарцевал как заправский кавалерист Евлампий Огоньков.

– Нашелся Кузьма Сумеркин, – не дожидаясь вопросов, с ухмылкой заявил старик. – Оказывается, чудила на кладбище ночевал.

– Какая чертяка занесла его туда?! – удивился фермер.

– Калякает, зашел батьку провести. Сел на могилку поплакать да заснул. Похоже, вчера он не меньше пол-литра выпил.

– А сегодня как выглядит?

– Как всегда. Полутрезвый – полупьяный. Отправил меня от стада в деревню и наказал: «Доложи Андрюхе, что скотина будет под надежным присмотром».

– Не запустит стадо в посевы?

– Не должен бы...

– Подпасок его где?

– Разводит руками. Не то в райцентр уехал, не то в лесу заблудился.

– В каком месте сегодня пасет?

– Сразу за кладбищем.

Монетов глянул на Двораковского:

– Саня, заводи мотоцикл. Надо срочно ехать к Сумеркину.

Глава 3

Пасущееся стадо увидели чуть в стороне от сельского кладбища. Одетый в грязный выцветший камуфляж, Сумеркин сидел в тени под густой березой и, запрокинув кудлатую голову, тряс над раскрытым ртом пустую поллитровку. Увидев внезапно остановившийся возле него мотоцикл, он встрепенулся:

– О, ёпти! Командиры нагрянули... Чо, потеряли меня вчера?

– Ты какой фигней занимаешься? – строго спросил Монетов.

– Баклуши от скуки бью, – Сумеркин, кряхтя, поднялся. – Мужики трепались, будто из свежей пустой бутылки можно вытряхнуть сорок капель. Хрен с маслом! Сколько ни трясу, а всего пять капелюшек на язык упало.

– Выверни бутылку да оближи.

– Черта с два стекло вывернешь.

– Неужели с утра успел поллитровку «освежевать»?

– Не, это вчерашняя. Она, паскудина, сморила меня так, что свалился на батькиной могилке и мертвецки заснул.

– Где взял водку?

– Эдик дал.

– Кипятилов?

– Ага.

– Значит, это он обворовал магазин?

На морщинистом небритом лице Сумеркина появилось недоумение:

– Ты что, Андрей Гаврилыч, с печки упал? Какой магазин?

– Райповский.

– О, придумал! На кой черт воровать, когда есть деньги, – Сумеркин пошарил по карманам камуфляжной куртки и достал измятую пятидесятирублевку. – Во, глянь, аккурат на «Столицу Сибири» хватит. Еще целковый в запасе остается, только от Клашки Шиферовой сдачу хрен дождешься. У нее руль сорок да руль сорок получается пять двадцать. Может, Клашка сама винополку грабанула, а бочку на других катит.

– Не наводи тень на ясный день, – сказал участковый и наугад добавил: – Свидетели есть, которые видели тебя с Кипятиловым у магазина.

– Санек, ты не первый год в милиции. Не слушай деревенские сплетни... – Сумеркин задумался. – Хотя, по правде сказать, подходил я вчера после обеда к винополке, но поцеловал пробой и повернул домой, то есть в поле, к коровам.

– Понятно. Ты разведал, что магазин закрыт, и Кипятилов по твоей наводке совершил кражу, – снова закинул удочку Двораковский.

– Не, Санек, не придумывай ерунду. Позавчера я выцеганил сотенный аванец у Евлампия Огонькова за пастьбу его черно-пестрой ведерницы. Евлампий – старик не жадный. Чего ему жадничать, когда за фронтовые заслуги как министр пенсию получает. Врать не стану, одну пятидесятку мы с Эдиком сразу пропили. Другую оставили в запас. Вчера в полдень Эдик сказал: «Старик, сбегай в винополку за пузырем “Столицы Сибири” да на сдачу булку хлеба возьми. Заморим червячка». Он по-блатному или по-молодежному всегда называет меня стариком...

– Ты и на самом деле старик, – вставил фермер. – Шестьдесят лет, а ума нет.

– Откуда ему взяться? Батка мой с рождения был калека, а matka – дура, – ничуть не обиделся Сумеркин и продолжил: – Сгреб я ноги в охапку и дуй не стой в деревню. Магазин, бля, оказался на замке. Поискать продавщицу смекалки не хватило. Вернулся ни с чем. Эдик

в сердцах матюгнулся и пошел на поиск сам. Где он разыскал Клашку Шиферову, не знаю, но припер полную сумку харчей.

– Каких? – спросил участковый.

– Кажись, три бутылки «Столицы Сибири», буханку хлеба и коляску колбасы.

– Сразу стали выпивать?

– Не-а. Одну бутылку Эдик отдал мне и сказал, чтоб я пас стадо, а он, дескать, пойдет отдыхать. Предлагал еще закусь, да я отказался... – Сумеркин открыл беззубый рот. – Во, глянь, жевать нечем.

– Деньгами Кипятилов с тобой не поделился?

– С хрена ли загуляли. У Эдика в кармане была дохлая вошь на аркане.

– И о деньгах ничего не сказал?

– Чо попусту говорить про то, чего нету.

– Выходит, полную сумку харчей Шиферова подарила Кипятилову за красивые глаза?

– Интересный вопрос... Про такую загогулину я почему-то не подумал.

– Куда Кипятилов отправился отдыхать?

– Забота об его отдыхе меня не мучила. Завладев непочатой бутылкой, я прямиком дунул к стаду. Возле кладбищенских ворот запнулся за коряжину и нечаянно вспомнил давно похороненного батьку. Суровый был мужик! Про мою горькую автобиографию можно написать целую книгу...

– Кузьма, не увиливай в сторону, – одернул участковый. – Твою биографию вся округа знает. Говори, куда скрылся Кипятилов?

– Куда, куда... Черт его знает, куда! Врать не стану, на батькиной могилке я так напомунался, что, сегодня проснувшись, битый час не мог понять, где нахожусь. Оклемаюсь лишь, когда Евлампий Огоньков пригнал к кладбищу стадо.

– Как ты познакомился с Кипятиловым?

– Нормально, в райцентровской закуской. Эдик там сидел с двумя бутылками плодово-выгодного вина. Подсел к нему. Стакан по стакану разговорились, и Эдику до крайности захотелось в деревню.

– Не поинтересовался: кто он, откуда?

– Мой интерес был в дармовой выпивке, которой Эдик угостил. К тому же у него новый паспорт с фотокарточкой имелся.

– О себе Кипятилов что рассказывал?

– В основном, про лагерную житуху ляссы точил. Калякал, будто много лет в зоне отси-дел.

– За воровство?

– Не, за бабу. С чужим мужиком застал женку в постели. Сгоряча башку ей отрубил.

– И ты не побоялся связываться с убийцей?

– А чо?.. Я – не баба, – Сумеркин ладонями потер морщинистое лицо. – Башка после вчерашнего трещит, а до вечера нечем подлечиться. Если б Эдик, зараза, не убежал, мы теперь уже бы похмелились. Две пол-литры подряд ему не осилить. На лекарство у него, должно быть, осталось.

– Давай, Кузьма, вместе подумаем: куда Кипятилов мог убежать? – быстро предложил участковый и для затравки добавил: – Отыщем беглеца – опохмелишься.

– С тяжелого бодуна я хреново соображаю... Если блатняк не упорол к матке в рай-центр, то, возможно, отлеживается в моей хате.

– Твою хату я утром проверил, – сказал фермер. – Там – шаром покати.

– Тогда, может быть, он где-то здесь, в лесу, блукает.

– Лес большой. Вспомни, где вы с ним обычно выпивали?

– А где придется.

– Определенного места не было?

Сумеркин поцарапал кудлатую голову:

– Когда пасли за лесом, где в колхозное время была летняя дойка, определялись в заброшенном вагончике. Там стол есть и скамейки. Может, Эдик туда забрел...

Участковый посмотрел на фермера:

– Далеко тот вагончик?

Монетов показал на затянутую муравой старую дорогу:

– Полкилометра по этому проселку. Съездим?

– Конечно.

– Андрюха... Андрей Гаврилыч, меня-то возьмите с собой, – сбивчиво проговорил Сумеркин, отмахиваясь от овода, кружившего над непокрытой головой.

– Ты где свою кепку потерял? – вместо ответа спросил фермер.

– Анисья Огурцова прихватила.

– За попытку украсть у нее деньги?

– Во, бля, деревня! Любой пустяк в великое событие раздуют. Эдик пошутил, а старуха уже тебе нажаловилась.

– За такие «шутки» на скамью подсудимых садят.

– Мне там не сидеть. Без вранья скажу, я глазом не успел моргнуть, как Эдик слямзил Анисью занадку. Чо, не возьмете меня?

– Смотри, Кузьма, за стадом. Учинишь потраву – не оберешься беды.

– Будь спок, Гаврилыч. До вечера дотерплю.

Двораковский тронул мотоцикл с места и, развернувшись, выехал на проселок. От деревни вдоль зарастающей дороги тянулась вереница покосившихся деревянных столбов с белыми изоляторами на вершинах, но без проводов, по которым когда-то поступало электричество к механизированной дойке.

– Давно провода сняли? – спросил участковый.

– Сразу после банкротства колхоза райцентровские жулики в одну ночь обрезают алюминий для сдачи на металлолом, – ответил фермер.

– Стадо большое в колхозе было?

– Сто восемьдесят коров отправили на мясокомбинат. Куда деньги за них канули, неведомо никому. Колхозникам не заплатили ни копейки. Наделили селян земельными паями, механизаторам раздали изношенную до ручки технику, и на этом мы распрощались с колхозной жизнью. Работящие мужики по моему примеру занялись фермерством, да быстро сникли. В нынешней неразберихе не каждому по уму вести рентабельное хозяйство.

– Насколько знаю, сейчас издано много документов, поддерживающих аграрный сектор...

– Как говорит мой коллега из села Раздольного Богдан Куделькин, на кухне, где стряпаются эти документы, или очень старые печи, или пьяные повара.

– И кредиты не помогают?

– Мизерные цены на зерно позволяют только-только расплатиться за кредитную солянку. На покупку новой техники и удобрений не остается ни шиша. Выручает плодородная земля да опытные механизаторы, умеющие из дерьма сделать конфетку.

– Сколько у тебя земли?

– Считаю, все пенсионеры отдали мне в аренду свои пай.

– Как расплачиваешься с ними?

– Зерном да сеном для скота. Дровишки, уголь на зиму старикам привожу.

– Деньгами не платишь?

– Денег хватает только работающим мужикам. Осенью, после реализации зерна, тысяч по тридцать приходится на трудолюбивую душу. В прошлом году подарил чиновникам из

продовольственной корпорации пару фляг меда с собственной пасеки, так они расщедрились. Оплатили зерно по высшей ставке, и моим механизаторам досталось почти в два раза больше денег.

– Берут чиновники взятки?

– Еще как берут!.. Раньше совслужащие тоже брали, но стеснялись. А теперь нагло вымогают «на лапу».

– Развивать хозяйство не планируешь?

– Хотел создать животноводческую ферму с молочным уклоном, да цены на молоко очень уж смешные. Короче, куда ни кинь – везде клин.

– Мельница, хлебопекарня, магазин оправдывают себя?

– Концы с концами свожу. Это я создал ради того, чтобы люди не мотались за каждым пустяком в райцентр. Ну и для трудоспособных женщин какой-никакой заработок.

– К слову, Андрей... На твой взгляд, могла Шиферова за неделю наторговать десять тысяч выручки?

– Сомневаюсь. Основная выручка у нее от водки. Десять тысяч рублей – это около двухсот поллитровок. Такую уйму спиртного нашим алкашам за неделю, пожалуй, не осилить.

– Говорят, Клава безбожно обсчитывает покупателей...

– Водится за Клавой такой грех. Заводил с ней разговор на эту тему. Отбрила: «Андрюша, директор торгпредприятия сказал, что в сельмаге у меня кроме оклада будут конторские счета, калькулятор и весы. Понял, чем старик бабку донял?»... Короче, мухлюет Клава с благословения руководства агонизирующей торговой монополии.

За разговором незаметно миновали лесной участок дороги и выехали к обширному зеленому лугу, вдоль и поперек изъезженному легковыми автомобилями.

– Кто это исколесил луговину? – спросил участковый.

– Райцентровские грибники. Раньше здесь было колхозное пастбище. Теперь обильно растут шампиньоны и свинушки, – ответил фермер и показал на ветхий строительный вагончик возле покосившейся жердяной изгороди, некогда ограждавшей загон для скота. – Направляйся, Саня, напрямик туда.

Двораковский свернул на промятую в траве автомобильную колею, словно по линейке вытянувшуюся от опушки леса к вагончику, и на малой скорости подъехал к распахнутой двери. Тотчас из выставленного оконца вагончика шумно выпорхнула длиннохвостая сорока и, застрекотав, полетела к лесу.

– По-моему, здесь людским духом не пахнет, – слезая с мотоцикла, сказал участковый.

– Посмотрим – увидим, – добавил фермер.

Увиденное поразило обоих. У оконца на грубо сколоченном столе лежали исклеванные сорокой ломти хлеба и крупно нарезанные куски колбасы. Рядом стояла ополовиненная поллитровка с этикеткой «Столица Сибири». Горлышко другой, непечатой, бутылки торчало из полиэтиленового пакета, прислоненного к ножке стола. А на грязном полу, зажав в правой руке нож с остроконечным лезвием и уставив в потолок остекленевшие глаза, лежал худощавый мужчина неопределенного возраста. На левой стороне груди мертвеца запеклось бурое пятно крови, пропитавшей серую футболку с надписью «BOSS». Оба кармана измятых черных брюк были вывернуты.

– Кипятилов?... – глядя на труп, спросил участковый.

– Он, Эдик, – мрачно ответил фермер. – Веселенькая история... Что будем делать, Саня?

Двораковский достал трубку мобильного телефона:

– Придется вызывать следственную группу из райцентра.

Глава 4

Восьмиместный УАЗ с фиолетовой мигалкой подъехал к месту происшествия спустя час после звонка участкового. Первым из машины вышел рослый в форменном мундире районный прокурор Антон Бирюков. За ним выбрались остальные участники следственно-оперативной группы. Было их четверо: моложавый с виду следователь прокуратуры Петр Лимакин с черным «дипломатом» в руке, эксперт-криминалист Лена Тимохина – стройная шатенка в форме майора милиции, лысоватый толстяк судебно-медицинский эксперт Борис Медников и оперуполномоченный уголовного розыска энергичный крепыш Слава Голубев. Позже всех из машины вылез задом наперед Евлампий Огоньков с неизменной трубкой в зубах.

– Срочная помощь потерпевшему не нужна? – здороваясь с участковым за руку, спросил Бирюков.

– Нет, Антон Игнатьевич, труп давно окоченел, – ответил Двораковский.

– Мы в Веселую Гриву заезжали за понятым, – Бирюков взглядом указал на Огонькова и вновь обратился к участковому: – Как фамилия потерпевшего?

– Кипятилов.

– Эдуард? – будто удивился Слава Голубев.

– Так точно.

– Вот где рецидивист финишировал!

– Говорят, он был судим за убийство жены...

– Враки. Уголовники любят приписывать себе вымышленные «подвиги». Все судимости Кипятилова были за кражи. Среди криминальной братвы Эдик известен под унижительной кличкой Чайник.

– Когда он отбыл последнее наказание? – спросил Бирюков.

– В мае этого года. Получил российский паспорт и стал жить в райцентре в материнском домике. Кормился за счет родительницы, а на выпивку подрабатывал грузчиком у предпринимателей. С месяц назад после неудачной попытки обворовать коммерческий ларек исчез из райцентра.

– С той поры он и обосновался в Веселой Гриве, – сказал фермер.

Прокурор повернулся к следователю и экспертам:

– Приступайте к работе. – И предложил Голубеву: – Ты все-таки посмотри, тот ли это Кипятилов.

Криминалист Тимохина достала из кофра фотоаппарат с блицем, а судмедэксперт Медников натянул на руки резиновые перчатки. Вторым понятым кроме старика Огонькова пригласили фермера Монетова. Первыми в вагончик вошли Бирюков с Голубевым. За ними – остальные. Двораковский не стал вмешиваться не в свое дело и присел на мотоцикл. Долго скучать участковому не пришлось. Минут через десять Бирюков вышел из вагончика. Следом появился Голубев.

– Опознали труп? – спросил Двораковский.

– Опознали, – ответил прокурор и попросил участкового рассказать о магазинной краже.

Когда Двораковский доложил всю информацию, Бирюков обратился к Голубеву:

– Ты, Славочка, у нас – ходячий компьютер. Поройся в памяти: не было ли какого компромата на сотрудницу кафе «Русалочка» Клавдию Шиферову?

– Разбитную блондинку в «Русалочке» видел неоднократно. Приготовленный ею отличный кофе пробовал, но компрометирующих фактов не припоминаю, – недолго подумав, сказал Голубев.

– Вот тебе первое поручение: повстречайся с хозяином кафе и поговори с ним о разбитной блондинке.

– Бу сделано, Игнатъич.

– Еще надо узнать, не было ли у Кипятилова серьезных конфликтов с криминальной братвой, после которых обычно возникают кровавые разборки.

– Узнаю.

Бирюков обвел взглядом изъезженный и истоптанный луг. Словно рассуждая вслух, сказал:

– Здорово здесь грибники порезвились.

– А вот этот автомобильный след не грибника, – присматриваясь к продавленной в траве колее, тянущейся от опушки леса к вагончику, проговорил Голубев. – Смотри, Игнатъич, подъехал сюда, круто развернулся и укатил обратно.

– Да, это явно не грибник приезжал, – согласился Бирюков.

Метрах в пяти на кромке правой колеи белел скол прикрытого травой пня. Слава подошел к нему и, нагнувшись, поднял из травы обломок пластмассовой черной ласты, какими прикрываются концы бамперов у «жигулей» шестой модели. Судя по конфигурации, поврежденная деталь прикрывала правый конец переднего бампера, которым водитель либо впопыхах, либо по ротозейству ударился об край пня.

– Крепко разиня поцеловался с пеньком, – разглядывая щепки от пня, усмехнулся Слава. – Придется ему не только новую ласту ставить, но и выправлять бампер. Хорошая улика для поиска поврежденного автомобиля.

– Возьми ее на заметку, – сказал Бирюков и обратился к Двораковскому. – На твоём участке, Саша, много жигулевских «шестерок»?

– В Веселой Гриве нет ни одной. В Березовке и Раздольном четыре или пять машин есть, – ответил участковый.

– Проверь их.

– Сегодня же проверю.

– А в райцентре с такой проверкой придется долго потеть, – вздохнул Голубев.

Бирюков улыбнулся:

– Без труда, Славочка, не вытащишь и рыбку из пруда.

– Что верно то верно. Карась – рыба капризная, – будто поддерживая разговор, сказал вышедший из вагончика Евлампий Огоньков. – Иной раз ни единой поклевки не дождешься, а вдругорядь, как раздухарится, не поспеваешь червяков наживлять. – И, набивая самосадом из кисета трубку, словно извинился: – Следователь отпустил покурить, а я, возможно, в деловую беседу не к месту встрял. Поди, сурьезное обсуждаете?

– Гадаем, какой лихач на «жигулях» чуть напрочь пень не своротил, – ответил Бирюков.

– Лихачи смелые люди. У нас в селе нынче был аналогичный случай. Ветеран войны, мой ровесник, Ефим Пендюрин получил от государства новенькую бесплатную «Оку». Из Новосибирска пригнал машинешку его сын. Ефим, понятно, захотел сам прокатиться по деревне с ветерком. Как путевый шофер сел за руль. Пристегнулся безопасным ремнем. Рывком газанул да в первый же столб так лихо впендюрился, что аж передок машины в гармошку превратил, – Огоньков глянул на Двораковского. – Слышал о таком забавном случае?

– Слышал, – с улыбкой кивнул в ответ участковый. – Ты, Евлампий Сидорович, человек наблюдательный. Не приметил, вчера после обеда к Кипятилову никакие друзья не приезжали?

Старик, раскуривая трубку, пожал плечами:

– Самого Эдика с друзьями не видел, а к Клашкиному магазину подкатывала желтая легковушка вроде бы жигулевской марки.

– В какое время? – сразу заинтересовался Бирюков.

– Определенно сказать не могу... Где-то после шести часов вечера. Я с удочками шел к пруду на вечернюю зорьку. В тот момент легковая и ушмыгнула от магазина.

– В какую сторону направилась?

– Выехала на трассу к кладбищу, где паслось стадо, и пропала с моих глаз. Возможно, что с трассы она сюда повернула.

– Магазин был закрыт?

– На входной двери висел замок, а заднюю дверь, где воры пролезли, с улицы не разглядишь.

– Часто к магазину подъезжают машины?

– Бывает, сворачивают с трассы.

– За водкой?

– В основном – за ней да за куревом. А на прошлой неделе к Клашке Шиферовой на день рождения друзья приезжали.

– В желтой машине?

– Не, в черном, как теперь говорят, джипе. Я на пруду карасиков полавливал. Солнце уже склонилось к закату. Тишина – райская! Вдруг к берегу подкатил джип. Мне подумалось, что приехали рыбаки из райцентра. Нет, из джипа выскочила крепко завеселевшая Клашка в нарядном белом костюме. Хохоча разбежалась и со всего маха в пруд – бултых! У меня испуг возник: хана девке, захлебнется!.. Ничего подобного. Кувыркается в воде, как русалка, и хохочет во всю Ивановскую.

Из машины вылез парень физкультурного сложения. Говорю ему: «Спасай подругу, пока не утонула». Он усмехнулся: «Такие отчаюги, дед, в воде не тонут и в огне не горят». – «Чего она сдурела?» – «Характер показывает. Охладится – поумнеет». И правда. Накувывравшись вволю, Клашка выкарабкалась на берег. Парень сгреб ее в охапку, затолкал в машину, и джип быстро укатил от пруда.

– Они вдвоем были? – спросил Бирюков.

– За рулем сидел еще один здоровяк в черных очках и с остриженной, как у новобранца, головой. Лицо сытое – кровь с коньяком... – Огоньков посопел задымившей трубкой. – На следующий день в десятом часу после утренней зорьки иду от пруда домой – магазин открыт. Из любопытства решил глянуть, как себя чувствует Клаша после вчерашнего купания. И что вы думаете?.. Шиферова – чистенькая, нарядная, с городской прической благоухает духами и как ни в чем не бывало мурлычет: «Конфетки, бараночки, словно лебеди саночки». В накрашенных глазах – никакого признака похмелья. Вот это, думаю, крепкая деваха! Такая без проблем и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет. Поинтересовался: «Головушка не болит после вчерашнего?» Засмеялась: «Дедуля, по пустякам я не болею. С друзьями отметила двадцать пятый день рождения». – «Раньше по такому событию парни дарили барышням цветы». – «То было раньше, а теперь с бутылкой приезжают». – «И нарядный костюм, который в пруду испачкала, не жалко?» – «Стоит ли тряпки жалеть? Их у меня – завались и обсыпсья».

– Не сказала, откуда приезжали парни?

– Такого вопроса ей не задавал.

– Только однажды тех парней видели?

– Только в тот раз.

– А Кипятилов в селе не дебоширил?

– Ни-ни! Кроме Кузьмы Сумеркина, он ни с кем из селян не знался. Как испуганный сурок вечерами в Кузиной хате сидел. Не могу смикитить, за какой грех мужика уколошили. И ведь даже карманы у штанов вывернули разбойники. Наверное, деньги искали, а?..

– Может быть, – ответил Бирюков.

Место происшествия следственно-оперативная группа покинула далеко за полдень. Прежде чем направиться по автотрассе в райцентр, заехали в Веселую Гриву. Бирюков хотел лично побеседовать с Шиферовой, однако Анисья Огурцова, у которой квартировала продавщица, заявила, что Клава уехала в райпо за ревизорами.

Глава 5

Во второй половине следующего дня, когда эксперты подготовили заключения, прокурор Бирюков собрал на оперативное совещание всех участников группы, выезжавших к месту происшествия.

Судмедэксперт Борис Медников сделал вывод, что Кипятилов был убит вечером в тот день, когда совершена магазинная кража. Летальный исход наступил моментально от огнестрельного ранения. Свинцовая пуля, которую удалось извлечь, попала прямо в сердце. Перед смертью потерпевший находился в средней стадии алкогольного опьянения.

Криминалист Тимохина на основании исследования пули, извлеченной из трупа, и пороховых вкраплений возле раны пришла к выводу, что выстрел был произведен в упор, предположительно, из газового пистолета, переделанного для стрельбы из патрона от мелкокалиберной винтовки. Зажатый в руке потерпевшего нож с откидывающимся лезвием – кустарная работа. Такие ножи обычно тайком мастерят умельцы в местах лишения свободы.

Ознакомившись с экспертизами, Бирюков спросил следователя:

– Деньги хорошо искали?

– Более чем хорошо, но ни копейки не нашли. На этом основании можно полагать: убийство совершено с целью ограбления, – ответил Лимакин.

– Чтобы пойти на грабеж, надо знать, что карманы у намеченной жертвы не пустые, – сказал Слава Голубев.

– Видимо, убийца знал, что Кипятилов унес из магазина десятитысячную выручку.

– Об этом ему могла сказать только продавщица, а та заявила, будто обнаружила кражу лишь на следующий день утром. По-моему, что-то темнит гражданка Шиферова.

Следователь усмехнулся:

– Разве не знаешь, как изворачиваются продавцы, стараясь свалить недостачу на воров?

– Не надо хапать, тогда и изворачиваться не придется. Ложь к добру не приводит.

– Кстати, Слава, ты не переговорил с владельцем кафе о Шиферовой? – спросил Бирюков.

Голубев живо повернулся к нему:

– Утром по пути на службу забежал в «Русалочку». Вместо разбитной Клавы там теперь вежливый бармен в белой рубашке с черной «бабочкой». Сказал, хозяин спозаранку уехал в Новосибирск за продуктами. Когда вернется, не известно.

– Фамилию хозяина узнал?

– Я давно знаю Николая Григорьевича Сидоренко. Сорокалетний мужик, без криминальных закидонов. Мастер спорта по лыжам. До занятия бизнесом преподавал физкультуру в средней школе.

– Не откладываяй встречу с ним.

– Постараюсь, Игнатьич, не тянуть резину. А пока суд да дело, попробую разыскать жигулевскую «шестерку» с поврежденным бампером. С утра попросил автоинспекторов, чтобы приглядывались к «жигулям». Еще успел обзвонить знакомых мастеров, которые чинят машины на дому. С таким повреждением к ним пока никто не обращался. После совещания махну на Вазовскую станцию техобслуживания. Может, там повезет.

– От Двораковского какие сведения?

– Звонил Саша. Вчера он проверил искомые «жигули» в селах своего участка. Бамперы у всех исправны. Сегодня утром Шиферова вернулась в Веселую Гриву с комиссией, которая начала учет товаров.

– Какую версию считаешь наиболее перспективной?

Голубев пожал плечами:

– Пока, Игнатьич, не могу определиться... Либо Шиферова навела убийцу на Кипятилова, либо Кипятилов совершил кражу в сговоре, но не захотел поделиться добычей с подельником. За что и поплатился жизнью.

Бирюков посмотрел на следователя:

– У тебя, Петр, какое мнение?

– Такое же, – ответил Лимакин. – Придется возбуждать уголовное дело и отрабатывать эти предположения. Как только у Славы появятся оперативные факты, сразу начну официальный допрос свидетелей.

– Хорошо. На побочные дела не отвлекайтесь, работайте напористо... – Бирюков, помолчав, обратился к эксперту-криминалисту: – Лена, на водочных бутылках чьи отпечатки пальцев обнаружены?

– Только Кипятилова, – сказала Тимохина. – На отомкнутом гвоздем замочке вообще все затерто.

– А на лезвии ножа?

– Ножом Кипятилов отрезал хлеб и колбасу. Наряду с деньгами мы долго искали стреляную гильзу, но тоже не нашли. Пистолеты-самodelки обычно после выстрела автоматически не выбрасывают гильзы.

В разговор вступил судмедэксперт:

– Кроме огнестрельной раны, других телесных повреждений у Кипятилова нет. Похоже, застрелили его, так сказать, без шума и пыли...

Медников достал пачку сигарет, но, сильно закашлявшись, сунул ее обратно в карман пиджака.

– Боря, ты отчего так кашляешь? – с улыбкой спросил Голубев.

– От «Примы», – буркнул судмедэксперт.

– Курил бы «Яву».

– От «Примы» кашель дешевле.

– Сам же говорил, что курить вредно, – засмеявшись, сказал Слава.

– Водку пить еще вреднее.

– Много Кипятилов выпил перед смертью?

– Не меньше полбутылки.

– В таком состоянии он мог и ножом помахать.

– Конечно, мог, да, видимо, не успел...

Совещание продлилось около часа. Выйдя из прокуратуры, Голубев сел в свой старенький «запорожец» и отправился на станцию техобслуживания.

Глава 6

В розыскной работе бывают блистательные удачи, однако не так часто, как хотелось бы. Поэтому каждый раз, приступая к очередному расследованию, Голубев на первых порах, когда нащупывается ниточка к преступному клубку, не тешил себя иллюзиями скорого успеха. Оптимист по натуре, он никогда не впадал в панику и слишком не огорчался от неудач, считая, что отрицательный результат – тоже результат. К станции технического обслуживания Слава подъехал в бодром настроении, хотя и не имел четкого представления о том, что будет делать дальше, если здесь окажется «пустой номер».

На площадке перед распахнутыми широкими, как ворота, дверями ремонтного цеха не было ни одной автомашины. Возле дверей на длинной скамейке, прислоненной спинкой к стене, два молодых слесаря в черных сатиновых спецовках дымили сигаретами. Присаживаясь рядом, Голубев спросил:

- Как жизнь, ребята?
- Как в сказке, – ответил один из слесарей, а другой быстро добавил:
- Чем дальше, тем страшнее.
- Отдыхаете?
- Работы нет.

Слава показал кусок пластмассовой накладки, найденный у сколотого пня на месте происшествия:

- Угадайте, спецы, от чего эта деталь отломилась?

Слесари поочередно повертели обломок в руках. Возвращая его Славе, заявили, что это хвостовая часть ласты, прикрывающей правый конец переднего бампера у «жигулей» шестой модели.

- Недавно вам не приходилось устранять такую поломку? – спросил Слава.

Сидевший рядом с ним слесарь прежде, чем ответить, придавил подошвой ботинка окурок:

– Позавчера перед концом рабочего дня приезжал на станцию в «жигулях» желтого цвета огорченный жизнью неудачник. Выправили у машины загнутый кверху правый конец переднего бампера, поставили вместо сломанной новую ласту и на стенде отрегулировали нарушенное сходжение колес.

Голубев почувствовал внезапный прилив энергии и, словно удивившись, торопливо сказал первое, что пришло в голову:

- Где «неудачник» так здоровски ломанулся?!
- Рассказывал, будто искал в лесу грибы да в заросший травой пенек въехал.
- Обломок ласты, привинченный к бамперу, куда дели?
- Отвинтили и в мусорную бочку выбросили.
- Найти его можно?
- Без проблем.

Слесарь сходил в цех и принес выброшенную деталь. Приткнув обломки друг к другу поврежденными краями, Слава воскликнул:

- Вот они, родимые! Если склеить, «ласточка» будет почти новенькая.
- Не стоит овчинка выделки, – сказал слесарь. – Цена-то ей плевая.
- Я к тому, что обломки родственные...
- Это бесспорно.
- Кто владелец поврежденной машины?
- Спортивного вида парень или мужик лет за тридцать.
- Фамилия как?

– Фамилию можно посмотреть в заказ-наряде у кассира.

По подсказке слесаря молчаливая кассирша быстро отыскала стандартный бланк заказ-наряда № 922 на ремонт автомобиля ВАЗ-2106 с госномером Е 42–63 НБ. Посмотрев в графу «Ф.И.О. заказчика», Голубев поначалу, что называется, не поверил своим глазам. Там было написано: «Сидоренко Н.Г.» и указывался домашний адрес: «ул. Тополевая, 13».

– Так это же владелец кафе «Русалочка», – глянув на слесаря, сказал Слава.

Слесарь усмехнулся:

– Мы по кафетериям не ходим. Предпочитаем другие напитки.

– Понятно, маэстро, – весело проговорил Слава и стал оформлять протокол выемки заказ-наряда.

Со станции техобслуживания окрыленный удачей Голубев погнал своего дребезжащего «запорожца» на улицу Тополевую. Минут через пятнадцать он затормозил у небольшого крепенького дома с цветущим палисадником. И вновь фортуна повернулась к нему лицом. В просторном заасфальтированном дворе, перед вместительным кирпичным гаражом, сам господин Сидоренко, одетый в спортивное трико, отмывал струей из водопроводного шланга забрызганный грязью микроавтобус, расписанный по бокам черными иероглифами. Выше среднего роста, стройный, хозяин «Русалочки» выглядел намного моложе своих лет. Возраст выдавало, пожалуй, только уставшее лицо с темными, словно от бессонницы, кругами возле карих глаз.

В отличие от некоторых своих коллег, которые при общении со свидетелями или подозреваемыми пытались сразу «взять быка за рога», Голубев придерживался иной тактики. Под видом доверчивого простака Слава начинал служебный разговор с житейских пустяков, постепенно, слово по слову, приближаясь к существу расследуемого дела. На этот раз его сильно «заинтересовал» японский грузовичок. Обсудив с Сидоренко все достоинства и недостатки микроавтобуса, Слава удивленно спросил:

– Григорьич, где ты так устряпал япошку? В райцентре сегодня ни дождинки не упало.

– Из Новосибирска только что вернулся, – ответил Сидоренко. – Там больше двух часов жуткий ливень хлестал.

– Сам за рулем ездешь?

– Больше никому. Ни на шофера, ни на грузчиков денег не хватает.

– «Русалочка» хило кормит?

– Откровенно сказать, так себе. Днем клиентов мало бывает.

– Зато вечером из-за припаркованных иномарок к кафе не пробраться. Неоднократно видел, как бритоголовые братки стаканами глушат в твоём заведении коктейли да коньяки.

– Вот за счет бритоголовых и держусь на плаву. Если бы не они, давно бы, как «Титаник», затонул.

– «Титаник» – коммерческая фирма или утопший в начале прошлого века пароход?

– Пароход.

Сидоренко перекрыл у колонки кран, неторопливо свернул шланг и лишь после этого предложил Голубеву сесть на скамейку у крыльца. Невесело улыбнувшись, сказал:

– Говорят, в ногах правды нет.

– Можно и сидя правду утаить, – тоже с улыбочкой проговорил Слава, присаживаясь рядом с хозяином. – Сегодня утром, Григорьич, забежал к тебе чашечку кофе выпить для бодрости. Вместо экстравагантной Клавы Шиферовой появился симпатичный бармен. Текучесть кадров?..

– Как сказать... – Сидоренко замялся. – Уволилась Шиферова.

– По своей воле или по твоей?

– В райпо Клавке наобещали золотые горы. В кафе – кассовый аппарат, а в сельском магазине – бесконтрольность.

– Не зря говорят, что дело не в деньгах, а в их количестве?

– Наверное, так.

– Слушай, Григорьич, а мне Шиферова нравилась. Ее голубые глаза – сплошное очарование. Как-то, заговорившись с ней, чуть кофеем не обпился. Подряд три чашки выхлебал. Даже голова закружилась.

– Закружить голову Клава может кому угодно. Шухарная особа.

– Ты случайно с ней... не шухарил?

Сидоренко засмеялся:

– Вячеслав Дмитриевич, я слабоумием не страдаю. С такой отчаюгой зашухари – мигом в трубу вылетишь.

– У Клавы слишком большие запросы?

– Не столько запросы, сколько... Непредсказуемая она.

– По мужской линии как?

– Как мартовская кошка.

– По-твоему это болезнь или распущенность?

– По-моему, распущенность, переходящая в привычку.

– Вот и я так же считаю! – войдя в роль, увлеченно заговорил Слава. – Очень жалко кобылиц репродуктивного возраста... пардон, хотел сказать «молодиц», которым следовало бы пополнять демографическую копилку России, а они вместо этого глушат водку, балдеют от наркоты и гибнут в расцвете лет бесплодными пустышками.

Сидоренко усмехнулся:

– Шиферова не погибнет. Ни водкой, ни наркотиками она не увлекается.

– Да?... А мне о ней рассказывали иное. Недавно ездил в Веселую Гриву на пруд карасей удить, – слукавил Слава. – Там рыбачил старик, словно паровоз дымящий самосадом из трубки. Вот он поведал, будто Шиферова, отмечая свой день рождения, напилась так, что прямо в нарядном белом костюме бултыхнулась в пруд. Представляешь, приехала к пруду в джипе с двумя парнями и...

– С какими парнями? – не дал договорить Сидоренко.

– У сидевшего в черных очках за рулем джипа лицо сытое – кровь с коньяком, а другой вроде тебя.

– Почему вроде меня?!

– Ну, это так... со слов старика. Сам-то я ни парней, ни пьяную Шиферову не видел.

– Сколько лет старику?

– Под восемьдесят.

– Ого-го! В таком возрасте человек уже имеет полное право на старческий маразм.

– Возможно. Словом, ты на дне рождения у Шиферовой не был?

– С какой стати мне там быть? Я даже не знаю, когда этот день. – Сидоренко насупился. – Слушаю я тебя, Вячеслав Дмитриевич, и не понимаю: почему тебя так сильно заинтересовала в общем-то пустоватая Клава?

– Магазин ее в Веселой Гриве обворовали, – сказал Голубев.

– Давно?

– Позавчера.

– А при чем здесь я?

– Совсем ни при чем. Просто выясняю круг общения Клавы.

– Да она во всех кругах – своя.

– С крутыми «братками» дружит?

– Сказал же, со всеми на дружеской ноге.

– Дело в том, Николай Григорьич, что спустя час-полтора после кражи неведомый бандит застрелил вора и, похоже, забрал из его карманов украденные десять тысяч рублей.

– Вот уж... страсти-мордасти.

– Скажу больше: на месте убийства обнаружен обломок ласты от твоих «жигулей».

– Не может быть! – бледнея словно полотно, воскликнул Сидоренко. – Мои «жигули», абсолютно исправные, стоят в гараже.

– Знаю. Позавчера вечером на станции техобслуживания у них выправили передний бампер, поставили новую ласту и отрегулировали нарушенное сходжение колес. Могу тебе показать изъятый у кассирши заказ-наряд, по которому ты заплатил за ремонт сто тринадцать рублей ноль-ноль копеек.

Побледневшее лицо Сидоренко стало покрываться нервными пятнами. Будто онемев, он уставился на Голубева немигающим взглядом.

– Ты никому не отдавал на прокат машину? – спокойно спросил Слава.

– Нет, не отдавал, – чуть слышно ответил Сидоренко. – Сам об пень долбанулся.

Неуверенно, сбиваясь с пятое на десятое, Сидоренко стал рассказывать, как позавчера очень неудачно съездил к Веселой Гриве за шампиньонами, которых, по словам соседа, возле бывшей колхозной дойки видимо-невидимо. Когда миновал по проселку небольшой лес и увидел истоптанный и изъезженный луг, понял, что там уже прошла великая армия грибников и бродить по чужим следам нет никакого смысла. В расстроенных чувствах, машинально, доехал до вагончика у покосившейся изгороди. Хотел заглянуть в распахнутую дверь, но, услышав грубый разговор двух мужиков, торопливо развернулся и впопыхах проморгал заросший травой пень.

– Перед тем как ехать к дойке, в Веселую Гриву не заезжал? – спросил Голубев.

– Заезжал, чтобы поточнее узнать дорогу к грибному месту, – Сидоренко потупился. – Магазин райпо был на замке, на деревенской улице – ни души. Поехал наугад, как подсказывал сосед, по проселку через лес у кладбища.

– Пасущееся стадо видел?

– Поодаль видел, но пастуха вроде бы не было.

– О чем мужики в вагончике говорили?

– Разговор походил на матерную брань. По-моему, оба они были вдрызг пьяные.

– Двое их было? – уточнил Слава.

– Слышал голоса двоих. Сколько на самом деле было человек в вагончике, не видел.

– У тебя в машине, случайно, не завалился самодельный пистолетик под малокалиберный патрон?

Сидоренко натянуто улыбнулся:

– Кроме перочинного складешка для срезания грибов, иного оружия не имею.

– Не обманываешь?

– У меня привычки нет обманывать.

– Есть или нет – время покажет. Об одном, Николай Григорьевич, хочу тебя предупредить: ложь к добру не приводит. За нее можно жизнью заплатить.

– Я ни в чем не виновен.

– Бандиты плохо разбираются в правых и виноватых. Тех, кто даже случайно оказался свидетелем кровавых преступлений, они обычно убивают.

– Какой я свидетель, если ничего не видел?

– Когда ты подъезжал к вагончику, убийца через открытую дверь мог заприметить номер твоих «жигулей». Этого достаточно, чтобы посчитать тебя свидетелем и при удобном случае ликвидировать.

– Кажется, крепко я влип в грязную историю... – Сидоренко растерянно уставился на Голубева. – Что теперь делать?

Слава поднялся со скамейки:

– Постоянно помнить старую мудрость: береженого Бог бережет. Если заметишь за собой слежку или надумаешь сказать что-то дополнительно, запросто заходи ко мне в милицию. Чем смогу – помогу.

Глава 7

От разговора с Сидоренко у Голубева остался горький осадок неудовлетворенности. Удачно начавшийся поиск желтых «жигулей» завершился, по существу, ничем. В том, что Николай Григорьевич многое недоговаривает, Слава не сомневался, но трудно было понять, почему он хитрит: то ли из страха оказаться без вины виноватым, то ли из стремления отбояриться от причастности к убийству, если такая причастность действительно была, скажем, по какому-то нелепому стечению обстоятельств. Возникшее предположение о том, что Кипятилова застрелил сам Сидоренко, Голубев отмел без колебаний. За пятилетнее существование в райцентре «Русалочки» за этим заведением не числилось ни единого происшествия, а ее владелец слыл умным и добросовестным предпринимателем.

Перебрав в уме несколько вариантов оперативных действий, Слава пришел к выводу, что без детального выяснения личности и связей Шиферовой ему не обойтись. В первую очередь следовало проверить объективность показаний продавщицы, зафиксированных участковым Двораковским в протоколе дознания при осмотре обворованного магазина. С этой целью Голубев побывал в «Химчистке» и убедился, что там действительно находится белый костюм «Армани», который Шиферова сдала почистить. День оформления заказа совпадал с днем магазинной кражи. Отметив этот факт как положительный, Слава направился в райпо. Главный бухгалтер – мрачная женщина с крашенными в рыжий цвет волосами без колебаний подтвердила встречу с Шиферовой в «Химчистке» и свое обещание выдать Клаве зарплату, если она привезет недельную выручку.

– О какой сумме шла речь? – спросил Голубев.

Главбух задумалась:

– Не помню. Сумму, кажется, мы не обговаривали.

– А сколько Шиферова обычно наторговывала за неделю?

– По-разному. Где-то около пяти – семи тысяч. Бывало и побольше.

– Жалоб покупателей на ее работу не было?

– Теперь покупатели брюзжат, но официально не жалуются. Это в прежнее время, когда сплошь дефицит был, жалобные письма сыпались как из рога изобилия.

– Сколько у вас продавцы сельских магазинов зарабатывают?

– Оклады на селе небольшие, чуть выше минимальной пенсии.

– Говорят, кроме оклада у них есть калькулятор, счета и весы...

– За обсчет покупателей наказываем хитрюг беспощадно.

– В таком случае, интересно, что заставило Шиферову из кафе «Русалочка», где заработок значительно больше минимальной пенсии, перейти на мизерный оклад?

Главбух пожала плечами:

– Таких, как Шиферова, раньше называли «летунами». По-моему, из-за легкомысленного характера Клава просто не может подолгу работать на одном месте. Она и до «Русалочки» скакала с места на место.

– Не в вашей системе?

– Нет, в частных магазинах красовалась.

– Не припомните, в каких именно?

– Все Клавины места запомнить невозможно. Знаю лишь, что перед «Русалочкой» Шиферова торговала у Артема Лупова в «Электротоварах»...

С Артемом Луповым, упомянутым главбухом, Голубев познакомился на заре перестройки при расследовании уголовного дела по убийству сожителя Юлечки Галактионовой, работавшей товароведом в райпо. Артем в то время возглавлял бригаду райповских грузчиков и оказался чуть ли не основным подозреваемым в убийстве. Голубеву со следовате-

лем Лимакиным пришлось затратить много усилий, чтобы установить подлинного убийцу и доказать непричастность Лупова к преступлению. После состоявшегося суда Лупов покинул бригадирство и занялся коммерческой торговлей.

От конторы райпо до «Электротоваров» было пять минут езды. Плечистый здоровяк Артем встретил Славу басовитым возгласом:

– Добро пожаловать, Дмитрич!

– Привет, Мистер-Твистер, – с улыбкой ответил Слава.

– Не подначивай, Шерлок Холмс. До владельца заводов, газет, пароходов мне... как от неба до земли.

– Прибедняешься?

– Отнюдь.

– Плохи делишки?

– Дела идут – контора пишет. Рубль дадут, а два запишут.

– Охмуряешь покупателей?

– Упаси бог! Марку фирмы держу на высоте. У меня покупатель всегда прав. А ты, однако, опять кого-то ищешь?

– Настраиваюсь на поиск и хочу с тобой душевно побеседовать.

– О чем или о ком?

– О Клаве Шиферовой.

Лупов поморщился:

– Ой, не хочется мне говорить об этой язве.

– Чем Клава тебя заязвила?

– Чуть не обанкротила, вертихвостка.

– Проторговалась?

– Если бы... Прикарманила полсотни тысяч и хвостом вильнула.

– Не понял.

– Чего тут понимать. Первый раз слышишь, как продавцы уводят чужие деньги?

– Это не редкость. Мог бы через суд вернуть «уведенные» Клавой тысячи.

– Вай-вай, Дмитрич. В суде надо доказывать, а у меня, кроме слов, иных доказательств нет. Без официальных бумаг работаем с наличкой.

– Чтобы налоги меньше платить?

– Естественно. Если я полностью уплачу госрэкету, нагишом останусь, и электролампочки мои погаснут.

– Давно Клава тебя облапошила?

Замявшись, Лупов почесал коротко стриженный затылок:

– Досконально хочешь знать?

– Разумеется, – Слава встретился с Артемом взглядом. – Надеюсь на твою искренность. Лапшу мне навешают другие.

– Эх, где наше не пропадало... – Лупов, усмехнувшись, вздохнул. – Восемнадцатого марта Шиферовой исполнилось двадцать пять лет...

– Погоди, Артем, – перебил Слава. – Разве у нее не в августе день рождения?

– Нет, Дмитрич. Своими глазами видел новенький Клавин паспорт Российской Федерации, где черным по белому написано: «18 марта». В столь знаменательный для Клавы день сотрудницы магазина с моего согласия организовали юбилейный сабантуйчик. Попили коньячку с шампанским, завеселели и теплой компашкой во главе со мной уволоклись к Шиферовой на квартиру. Там шампанское полилось рекой, замолотил ритмами магнитофон, и незаметно прогудели мы часов до трех ночи. Дальше получилось, как у Пушкина: «А когда устали гости, положили молодых на кровать слоновой кости». Иными словами, все ушли, а я заночевал с Клавочкой в постели. На другой день плутовка заявила, что уходит из моего

магазина. Спутавшись с ней по пьяни, я даже обрадовался избавлению от бельма на глазу. Быстро провели учет и рты открыли: вместе с Шиферовой «ушли» пятьдесят тысяч наличными. Пулей полетел к вертихвостке. Выслушав меня, Клава невинно похлопала длинными ресницами и обидчиво надула алые губки: «Артем, порядочные мужики с постельных денег сдачу не берут. Станешь ершиться – исповедуюсь в тяжком грехе перед твоей женой. Тебе очень нужен такой ералаш?» Ох, блин, и пометал же я икру! Пришлось кредит брать в Сбербанке, чтобы сохранить фирму. После такого бледохода зарекся выпивать с игривыми зажигалками.

– Хороший урок, – засмеявшись, сказал Голубев.

Лупов зажмурился:

– До конца жизни буду помнить блондинистую училку.

– Не знаешь, кто помог Шиферовой устроиться в «Русалочку»?

– Для устройства Клаве помощь не нужна. Очарует и заговорит любого работодателя.

– Выходит, и Сидоренко она очаровала?

– Не без этого. Вообще-то я предупреждал Николая, мол, строго контролируй лукавую бестию. Может кинуть, как последнего лоха. И, кажется, был прав. После ухода Клавы из «Русалочки» Коля чего-то засуетился.

– Наверное, тоже переспал с ней?

– Вряд ли. Николай Григорьевич мужик не блудливый, интеллигентных кровей и умный.

– Ты тоже не дурак.

– У меня закваска грузчика. Как ни крепись, старые дрожжи где-нибудь да вылезут. У Сидоренко нет забубенного прошлого. Он не пьет, не курит и, по-моему, кроме жены, ни одной бабенки не пощекотал.

– А в финансовых вопросах как?

– Дотошный. Словно Кощей, каждую копейку на учете держит.

– На этой почве он мог конфликтовать с Шиферовой?

– Клава вообще-то не конфликтная. Она изворотливая плутовка.

– Деньги сильно обожает?

– Как всякая красавица легкого поведения. В Новосибирске окрутила каких-то двух богатеньких Буратино. Один купил ей отличную трехкомнатную квартиру в райцентре. Другой обеспечил импортной мебелью, норковой шубой и фирмовыми шмотками.

– Неужели этого Клаве мало?

– Богатства и власти много не бывает.

– Что ее заставило сквозануть в Веселую Гриву?

– Скорее всего, стремление стать полновластной хозяйкой торговой точки. Подчиняться Клава не любит. Какую хохму она отмочила в деревне?

Узнав о краже и сумме пропавшей выручки, Лупов категорично заявил:

– Врет плутовка! Позавчера она забежала ко мне с просьбой: «Артем, одолжи срочно на золотое колечко десять тысяч. Через неделю верну». Погрозил ей пальцем: «Клава, за твое колечко в одном местечке я заплатил сторицей. Поищи, милочка, другого дурака». Назвала жмотом и, повиливая бедрами, удалилась.

Голубев стал рассказывать об убийстве Кипятилова. Сосредоточенно выслушав Славу, Артем искренне удивился такому повороту событий. По его мнению, Шиферова не могла организовать или заказать убийство. Со шпаной и, тем более, с киллерами Клава не общалась. На уголовников она смотрела брезгливо. А вот самому Лупову приходилось иметь дело с Кипятиловым. Несколько раз Эдик подрабатывал у него грузчиком. Отказался Артем от услуг вора-рецидивиста после того, как тот попытался утащить семисотрублевый электро-

чайник «Скарлет». Предположение Голубева о том, что к убийству каким-то образом причастен Сидоренко, Лупов тоже отверг.

– Хотя Николай в прошлом выдающийся спортсмен и физически крепкий мужик, но для разборок у него жила тонка, – убежденно сказал Артем. – Здесь, Дмитрич, наверняка подставой пахнет.

– Кто, по-твоему, мог его подставить? – спросил Слава.

Лупов поцарапал затылок:

– Таких отморозков, которым человека убить, что воды напиться, в райцентре не знаю. Есть несколько туполобых братков, так они, в основном, «крышуют» таджиков, торгующих на рынке фруктами, и в «мокрые» дела не лезут.

– Тебе кто обеспечивает «крышу»?

– Я сам себе крыша, – Артем показал внушительный кулак. – Любого быка, у кого пальцы – веером, а сопля – пузырем, одним касанием на лопатки укладываю.

– Попытки рэкета были?

– В прошлом году Филин пытался наехать.

– Это кто такой.

– Филонов Дениска такую кликуху имеет. Чуть больше двадцати лет пацану, а весит центнер с лишним. При наезде расквасил его лунообразную морду так, что полмесяца хмырь на люди не выходил... – Лупов неожиданно хлопнул ладонью по коленке. – Дмитрич, этот дегенерат «Русалочку» охраняет. И с Кипятиловым он был, как говорится, вась-вась. Попробуй его хорошенько, может, и на убийцу выйдешь.

– Машина у Филонова есть? – спросил Слава.

– На подержанном черном джипе с правосторонним рулем катается дебил.

После откровенной беседы с Луповым Голубев вновь повеселел. Появился новый объект дознания. Однако «попытать» охранника «Русалочки» в этот день Славе не удалось. По словам вежливого бармена, Филонов бывает в кафе от случая к случаю и вроде бы еще на прошлой неделе Денис куда-то уехал из райцентра...

Глава 8

Утром Голубев направился в прокуратуру, чтобы совместно с Бирюковым и Лимакиным обсудить добытую за вчерашний день информацию и наметить план дальнейшего поиска. Когда Слава вошел в кабинет следователя, Лимакин разговаривал по телефону. Положив трубку, он, пожимая протянутую Славой руку, сказал:

– Главный бухгалтер райпо сообщила, что проведенным учетом недостача в Веселой Гриве составляет десять тысяч рублей с небольшим.

– Что-то очень уж быстро управились учетчики, – удивился Голубев.

– Долго ли пересчитать в сельском магазине бутылки да скудный запас продовольственных товаров.

– О Клаве Шиферовой главбух ничего не сказала?

– Шиферова после учета подала заявление об увольнении. Не понравилось Клаве торговать в сельмаге, – Лимакин поправил на столе чистую пепельницу. – У тебя как дела?

– По принципу: скорее бы утро, да – на работу. Информация, Петя, богатая, но туманная. Пойдем к прокурору, обсудим.

– Пошли.

В прокурорском кабинете было светло и по-утреннему прохладно. Из распахнутого окна тянуло медовым запахом желтого донника, обрамлявшего цветочную клумбу перед входом в прокуратуру. Усевшись с Лимакиным друг против друга за приставным столиком, Голубев менее чем за полчаса, подробно изложил собранную информацию и, словно подводя черту, проговорил:

– Сегодня мне надо разыскать Дениса Филонова и послушать, что поведает кофейный охранник.

– В твоём криминальном списке Филонов не числится? – спросил Бирюков.

– Нет, Антон Игнатьич. По уголовным делам у нас Филин не проходил. Видимо, начинающий качок с замашками рэкетира.

– Показаниям Артема Лупова полностью веришь?

– Стопроцентно. А вот сбивчивое повествование владельца «Русалочки» Николая Сидоренко вызывает большое сомнение. Вертится у меня мыслишка, что одним из парней в черном джипе, когда пьяная Шиферова в нарядном белом костюме искупалась в пруду, был не кто иной, как владелец кафе. И вот почему... При разговоре со мной Николай Григорьевич назвал Шиферову «отчаюгой». Такое же определение дал Клаве парень на берегу пруда. Помните, когда Евлампий Огоньков предложил парню спасти «бултыхающуюся» Клаву, тот с усмешкой ответил: «Такие отчаюги, дед, в воде не тонут и в огне не горят»...

– Идентифицировать речь подозреваемого лишь по одному слову нельзя, – возразил Лимакин. – Все мы, вышедшие из советской школы, говорим стандартно, как попугаи.

– Насчет школы, Петя, ты прав. Однако никто из моих собеседников, кроме Сидоренко, не назвал Шиферову отчаюгой. Это словечко не повседневное. Конечно, совпадение может быть чисто случайным, но мне почему-то оно врезалось в память.

– Молодец, что запоминаешь характерные слова собеседников, – поддержал Славу Бирюков. – Еще какие нюансы подметил?

– Нюансов много, но все они пока без ответа. Вот, к примеру, такой... На следующее утро после купания Шиферова сказала Огонькову, будто вчера отмечала с друзьями свой день рождения. Сейчас – август, а по паспорту Клава родилась восемнадцатого марта. Что за неувязка?... Пустяковая ложь, оправдывающая пьянку, или какой-то иной, более глубокий умысел?..

– Скорее всего, что – первое, – сказал Бирюков.

– Возможно... – вроде бы согласился Голубев и продолжил: – Дальше – больше. Сидоренко отправился в своих «жигулях» за шампиньонами по подсказке соседа. Наверняка сосед объяснил ему, как проехать к грибному месту. Однако Николай Григорьевич почему-то заехал в деревню к магазину. По его словам, чтобы уточнить дорогу. Спрашивается: чего уточнять, если там всего один проселок сворачивает с автотрассы к лесу у кладбища?..

Бирюков недолго подумал:

– Да, такое «уточнение» шито белыми нитками.

– Очень белыми, Антон Игнатьич! – подхватил Слава. – Тем более что, не встретив в деревне ни души, Сидоренко без проблем доехал до вагончика и, даже не попытавшись найти хотя бы один грибок, развернулся в обратную. К своему несчастью, он напоролся на пень и оставил у места преступления неопровержимую улику. Иначе нам пришлось бы долго искать желтые «жигули», которые заядлый рыбак Огоньков видел возле обворованного магазина.

– При разговоре Сидоренко сильно нервничал? – спросил Лимакин.

– Николай Григорьевич – бывший спортсмен. Чувствуется, нервы у него крепкие. Однако при особо острых вопросах выдержка ему изменяла. Не уверен... правильное сказать, вообще не верю в то, что Кипятилова застрелил Сидоренко. Для умного и достаточно обеспеченного человека, каким бесспорно является владелец «Русалочки», слишком глупым выглядит убийство с выворачиванием карманов. Но вот в том, что Сидоренко знает по существу дела намного больше, чем рассказал мне, не сомневаюсь ни на йоту. Словом, Петя, я отыскал «объект» для исследования, а тебе придется извлекать из него истину.

– На какое колечко в одном местечке Шиферова хотела одолжить денег у Лупова?

– Насчет «местечка» – это Лупов ей ответил. А просила Клава у Артема, обрати внимание, десять тысяч на колечко золотое.

– Неужели намеревалась компенсировать украденную выручку?

Слава улыбнулся:

– Задай этот вопрос голубоглазой «отчаюге» Клабочке...

Неожиданно за окном послышался стремительно приближающийся надсадный визг милицейской сирены, и почти тотчас мимо прокуратуры промчался автомобиль ГИБДД с включенной фиолетовой мигалкой. Следом на бешеной скорости и с таким же визгом пронеслась другая гаишная машина. За ней – третья.

– Вот устроили гонки орлы с полосатыми палками, – глядя в окно, с усмешкой проговорил следователь. – За водкой рванули, что ли?..

– Похоже, операцию «Перехват» объявили, – нахмуренно сказал Голубев. – Либо серьезная автоавария со смертельным исходом, либо пьяный водитель задавил пешехода и скрылся с места происшествия.

На прокурорском столе зазвонил телефон. Бирюков ответил. Разговаривал он недолго. Едва положив трубку, глянул на следователя и приказал:

– Срочно, Петр, собери опергруппу.

– Опять кровавый наворот? – спросил Лимакин.

– Из дежурной части милиции звонили. Возле кафе «Русалочка» выстрелом из проезжающего черного джипа, кажется, смертельно ранили Николая Сидоренко...

Глава 9

Когда оперативная группа приехала к месту происшествия, у кафе, возле стоявших «жигулей» и машины скорой помощи с безостановочно пульсирующим маячком уже собралась большая толпа любопытных, без которых обычно не обходятся даже пустяковые уличные события. Санитары в белых халатах осторожно укладывали на брезентовые носилки окровавленного владельца «Русалочки». Лицо Сидоренко с закрытыми глазами белело, словно мел. На какое-то время Николай Григорьевич широко открыл глаза и, уставясь на подошедшего к носилкам Голубева, с трудом произнес:

- Прости...
- Кто в тебя стрелял? – торопливо спросил Слава.
- Денис.
- За что?
- Расплата за ложь...

Сидоренко будто поперхнулся. Глаза его внезапно закрылись, а голова, дернувшись, повернулась набок. Судмедэксперт Медников, присев на корточки, обхватил пальцами кисть левой руки потерпевшего. Нащупав пульс, коротко бросил санитарам:

- Немедленно – в реанимацию!

Санитары спешно загрузили носилки в машину, и скорая помощь, включив сирену, умчалась по направлению к районной больнице. Криминалист Тимохина, предварительно сфотографировав, стала внимательно рассматривать пулевое отверстие в стекле передней дверцы «жигулей» у водительского места. Следователь Лимакин достал из «дипломата» бланк протокола осмотра места происшествия и пригласил из толпы двух мужчин в понятие. Любопытно глазевшие зеваки сразу заторопились по крайне неотложным делам. Свидетелем преступления оказался лишь один нахмуренный парень с кудрявыми волосами, назвавшийся Алексеем Шайдоровым.

- Где вы находились в момент происшествия? – спросил Бирюков.

– Рядом с Сидоренко ехал, в его «жигулях»... – Шайдоров откашлялся, как будто у него перехватило в горле. – Мы с Николаем живем по соседству. Сегодня я собрался в милицию, чтобы продлить разрешение на охотничье ружье. Утиный сезон приближается, а у меня срок разрешения истек. Пошел заводить свою машину и увидел, что Николай выезжает из гаража на «жигулях». Разговорились. Оказывается, он тоже настроился в милицию, ну и предложил поехать с ним за компанию.

- Что ему надо было в милиции?
- Хотел переговорить с оперуполномоченным Голубевым.
- О чем?

– В общем, разговор на эту тему Николай замял. В милиции я сдал документы, а Голубева на месте не оказалось. Сидоренко предложил, мол, заглянем на минутку в кафе и поедем до дому. Когда подъезжали вот к этому месту, заметили увязавшийся за нами черный джип с правым рулем. Николай сказал: «Кажется, Денис Филонов чего-то прилип. Сейчас узнаю, зачем он привязался». Включил правый поворот, как перед остановкой, и притормозил. Не успел он открыть дверцу, как из поравнявшегося с «жигулями» джипа хлопнул мелкашечный выстрел, и джип помчался дальше. Голова Николая сразу запрокинулась на спинку сиденья. «Жигули» дернулись и заглохли. Я машинально выхватил торчавший из правого кармана Николая мобильник и позвонил по ноль-два. Потом – от испуга, наверно – выскочил из машины и закричал: «Человека убили!». Мигом толпа стала собираться. Вскоре, пугая сиреной прохожих, промчались одна за другой три гаишные машины, и тут же подъехала скорая.

- С какого расстояния стреляли?

– Не больше метра.

– Водитель джипа стрелял?

– Ну, у него правосторонний руль, а у «жигулей» – левый. Вот он, бык красномордый, высунул из приспущенного стекла руку с пистолетом и почти в упор пальнул в Николая.

– Это действительно был Филонов или кто-то другой?

– Сидоренко так сказал, а я Филонова не знаю. Тот, который стрелял, был в темных очках и показался мне мордастым. Все промелькнуло, вроде как в американской киношке. Запомнилось только красное лицо стрелявшего да зеленая солдатская рубаша на нем. Об этом я сказал по мобильнику дежурному милиции.

– Госномер джипа не запомнил?

– Половина номера была в грязи, а последние две цифры «ноль» и «пять» запомнил. Это тоже сказал дежурному.

При разговоре у Шайдорова то и дело дергалась правая щека. Видимо, он чувствовал нервное подергивание и, словно оправдываясь, виновато проговорил:

– Не могу прийти в себя... Если б киллер чуть-чуть промахнулся, вместо Николая скорая увезла бы в реанимацию меня.

Бирюков сменил тему:

– Сидоренко не рассказывал, как он на днях неудачно съездил за шампиньонами?

– За шампиньонами мы с Николаем вместе ездили на моем «москвиче». По большой корзине набрали. Только не на днях, а в середине прошлой недели.

– Где собирали грибы?

– Недалеко от Веселой Гривы. На бывшем колхозном пастбище.

– Без вас Сидоренко позавчера туда не ездил?

– Может, и ездил, да вряд ли чего привез. Там уже делать нечего. Грибники подчистую вырезали не только шампиньоны, но и свинушки.

Отвечал Шайдоров без колебаний. Чувствовалось, что скрывать ему нечего. О Филонове, Шиферовой и Кипятилове он ничего не знал. С Сидоренко его отношения были самые добрососедские. Когда Николай Григорьевич преподавал в школе физкультуру, они часто вместе рыбачили и охотились. Рыбалку и охоту сосед забросил, как только занялся коммерцией. Человек он не злобный, покладистый. Это могут подтвердить все соседи с улицы Тополевой.

Участники оперативной группы уже собрались уезжать с места происшествия, когда в машине с мигалкой подкатил разгоряченный словно после удачной охоты начальник районной ГИБДД майор Филиппенко и бодро доложил Бирюкову:

– Убийца задержан!

На заднем сиденье машины между двумя рослыми сержантами милиции сидел в наручниках краснолицый верзила с тусклым, ничего не выражающим взглядом оловянных глаз.

– Филонов Денис?... – спросил у майора Бирюков.

– Так точно! – ответил Филиппенко. – Говорить с ним сейчас бесполезно. Нашпиговался наркотиками до помутнения разума. При задержании пришлось прострелить задние колеса джипа.

– Сопротивление оказывал?

– Пытался вытащить из кармана самопал, но сержанты повязали бугая, как теленка. – Филиппенко передал Бирюкову похожий на браунинг самодельный пистолет. – При досмотре в «бардачке» джипа обнаружили полтора десятка мелкокалиберных патронов к этому самопалу, пакетик с героином и четыре одноразовых шприца.

– В протоколе задержания это отразили?

– Так точно! Протокол оформили по всем правилам, в присутствии понятых.

– Везите задержанного в изолятор временного содержания. Займемся им, когда протрезвеет от дурмана.

...Филонов «протрезвел» на вторые сутки. Первый его допрос, проведенный следователем Лимакиным, оказался безрезультатным. Мающийся от наркотической ломки Денис стал пороть такую несуразицу, что пришлось назначить психиатрическую экспертизу.

Шиферова тоже не порадовала следователя новизной показаний. Вызванная повесткой Клава явилась на допрос в белоснежном отутюженном костюме, искусно накрашенная и благоухающая дорогими духами. Первым делом она попросила разрешения закурить. Страхивая ухоженным пальцем пепел с коричневой тонкой сигареты «Море» в придвинутую к ней Лимакиным пепельницу, голубоглазая красавица изображала оскорбленную подозрением невинность. Ни о причастности к краже, ни о последствиях преступления она «даже слушать не хотела». Когда Лимакин спросил о купании в пруду, ответила, что незнакомые ребята попутно «подбросили» ее из райцентра в Веселую Гриву и по дороге «накачали» коньяком. Вопросу: «Почему сказала Евлампии Огонькову, будто отмечала свой день рождения с друзьями?» откровенно удивилась: «А что, по-вашему, я могла сказать старику? Что отмечала последнюю пятницу на той неделе со случайными проходимцами?» Артема Лупова Клава назвала сексуальным гангстером и трепачом, который может наговорить что угодно, если женщина откажет ему в постельной услуге. Денис Филонов, по ее мнению, родился питекантропом и с годами ни капельки не умнеет. Наоборот, подсев на героиновую иглу, Филин превратился в форменную обезьяну. Из-за назойливых хамских приставаний этого орангутанга Шиферовой пришлось даже уволиться из «Русалочки», хотя Сидоренко уговаривал ее остаться. О том, какая причина заставила умного Николая Григорьевича держать Филонова в охранниках кафе и что за разборка произошла между ними, Клава не имела «ни малейшего представления». В конце концов Лимакин был вынужден прекратить бесплодный допрос и взять у Клавы подписку о невыезде. Из кабинета следователя Шиферова ушла с таким видом, словно ее оскорбили до глубины души.

Расследование сдвинулось с мертвой точки, когда появилась возможность допросить самого Сидоренко. Рана его, к счастью, оказалась не смертельной. Свинцовая пуля от мелкокалиберного патрона, повредив левую ключицу, застряла в теле, не коснувшись жизненно важных органов и позвоночника. Удрученный случившимся владелец «Русалочки» при официальном допросе был искренен до конца. Следом за Сидоренко прижатая фактами Шиферова тоже стала давать правдивые показания. После заключения психиатров о вменяемости заговорил и симулянт Филонов, выведенный врачами из наркотического транса.

Через неделю после основательных допросов всех соучастников преступления Лимакин положил на прокурорский стол пухлый скоросшиватель с материалами расследования для утверждения обвинительного заключения. Изучая уголовное дело, Антон Бирюков с горечью размышлял, к каким серьезным последствиям привело легкомыслие склонной к авантюризму молодой женщины.

Глава 10

Из «Русалочки» Шиферова уволилась вовсе не из-за хамских приставаний Филонова. Денис безудержно увлекался алкоголем и наркотиками. Женщины для него были делом десятым. Соблазнил Клаву бесконтрольно поработать в сельмаге директор торгового предприятия райпо, у которого хронически не хватало продавцов. Сидоренко, узнав о намерении Шиферовой уволиться, попросил ее поработать в кафе хотя бы несколько дней, пока подыщется замена. Клава не стала работать ни дня. Вдохновленная удачей, когда при уходе из «Электротоваров» безнаказанно унесла пятьдесят тысяч рублей, в «Русалочке» она «приватизировала» десять тысяч. Сидоренко не был связан с Клавой амурными делами, как Артем Лупов, и потребовал немедленно вернуть украденную сумму. Шиферова отшутилась, мол, когда от многого берут немножко, это не кража, а просто дележка. Николай Григорьевич не оценил шутки и пристращал мошенницу судом, хотя, будучи неглупым, понимал, что написанное от руки «Трудовое соглашение» с Шиферовой судьи посчитают филькиной грамотой. Изворотливая Клава тоже не страдала слабоумием и помахала Николаю Григорьевичу ручкой. Оскорбленный наглым поведением наемной сотрудницы владелец кафе из принципа стал искать другие способы возврата денег. С этой целью он обратился к Филонову:

– Денис, за что ты берешь у меня деньги?

– За охрану кофеварни, – ответил Филонов.

– Плохо, друг, охраняешь. Шиферова шутя унесла из кассы десять тысяч.

– Шеф, касса – не моя проблема. Я берегу кафешку от наружных воров да от рэкета. И вообще, на кой хэ ты допустил к кассе нечистоплотную на руку телку?

– Кого допускать – это тоже не твоя проблема. Скажи прямо, у тебя есть на примете надежный «качок», который без применения физической силы сумеет заставить Шиферову вернуть украденное?

– Таких качков, шеф, в природе не существует. Давай я сам сыму с Клавы стружку, и она без звука притащит стибренные бабки.

– Ты много дров наломаешь.

– А как без этого?..

– Надо уладить вопрос по-мирному.

– Тогда давай побазарим с ней вместе. Если круто на рога полезу, одернешь.

– Такой вариант более подходящ...

В Веселую Гриву отправились в джипе Филонова. Увидев нахмуренного Сидоренко и набычившуюся красную физиономию Дениса, Шиферова мигом сообразила, что встреча с незваными гостями ничего доброго ей не сулит. Однако вместо огорчения радостно воскликнула:

– Ребята, вы прямо кстати! У меня сегодня день рождения, а обмыть такую дату в глухомани не с кем. Предлагаю взять шампанское и устроить пикник на лужайке.

– Шампанское – моча. Лучше возьми коньяк, – сразу ухватился за возможность выпить Филонов.

– Мы не поздравлять тебя приехали, – сухо сказал Сидоренко.

– Ну, Николай Григорьевич, – с упреком проговорила Клава, – разве мы нелюди какие? Угощение – за мой счет, а должок через неделю верну вам с процентами.

Филонов расплылся в улыбке:

– Видал, шеф, как клево получается. И стружку сымать не надо. Клава по-мирному согласна вернуть стибренное. Поехали на пикник, погуляем на халяву за день рождения. – И подмигнул Шиферовой. – Ты белый костюмчик-то сыми, чтобы не покрасить его на лужайке зеленой.

Шиферова беззаботно отмахнулась:

– У меня костюмов – завались и обсыпся.

Не зная, что делать дальше, Сидоренко промолчал. Его молчание было принято за согласие.

На пикнике Шиферова вела себя так компанейски озорно, что даже непьющий Николай Григорьевич выпил за ее здоровье граммов пятьдесят коньяку и пожевал отломленную от шоколадной плитки дольку. Филонов пил без закуски. Подзадоривая Дениса, Клава едва поспевала наполнять ему пластмассовый стаканчик и сама смаковала рюмку за рюмкой. Пикник завершился сумасбродным купанием в пруду. Расставаясь с незваными гостями, промокшая до нитки Шиферова клятвенно заверила Сидоренко, что через неделю соберет десять тысяч и расплатится с ним.

– Ты, коза, не шути с нами, – пригрозил на прощание Филонов. – Обманешь – без суда и следствия zenки выткну. Чем тогда подмигивать будешь?..

Пьяную Клаву угроза не напугала, но на следующий день в душе зашевелился противный червячок. От дуболомного Дениса можно было ожидать любой пакости. Какой бзик стукнет придурку в голову, не угадаешь. Шиферова решила не рисковать. Деньги у нее были, но отдавать их не хотелось. Тихо напевая в пустующем магазине «конфетки-бараночки», Клава мысленно просчитывала способы, как бы расплатиться с Сидоренко без ущерба для собственного кармана. Сколько она ни напрягала изворотливый ум, такого варианта, когда можно «и рыбку съесть и на лодке покататься», не подворачивалось. Обговоренный недельный срок быстро истек. Ничего не придумав, Шиферова поехала в райцентр, чтобы сдать в химчистку испачканный при купании белый костюм. Там случайно встретилась с главбухом райпо. Для порядка поболтав о зарплате, Клава без всякой надежды, но с мыслью «авось клюнет» заглянула в «Электротовары» к Артему Лупову, любившему позубоскалить с красивыми женщинами. Наученный горьким опытом Артем на этот раз не клюнул. Получив от ворот крутой поворот, села в рейсовый автобус и поехала в Веселую Гриву. По обеим сторонам трассы тянулись желтые поля созревающей пшеницы. Монотонность укачивала. Прислонившись боком к спинке мягкого сиденья, Клава задремала и приснилось ей, будто она вернула деньги Сидоренко, и Николай Григорьевич от радости даже расплакался. Очнувшись, подумала: «Десять тысяч мою судьбу не решат. Отдам их по-хорошему». Возможно, так бы она и поступила, да... Бог шельму метит. Выйдя из автобуса на остановке у Веселой Гривы, Шиферова увидела деревенских пастухов. Кузьма Сумеркин с поллитровкой в руке, по-стариковски ссутулив спину, торопливо шагал к кладбищу, где паслось стадо, а Кипятилов стоял у трассы и прикуривал сигарету. Прикурив, он взял стоявший у ног полиэтиленовый пакет и неторопливо пошел по проселочной дороге к лесу. Шиферову словно громом оглушило – водку можно было взять только в ее магазине. Бросившись вдогонку за Кипятиловым, Клава закричала:

– Эй, босяк, обожди!

Кипятилов остановился. Подбежав к нему, запыхавшаяся Клава спросила:

– Ты, баклан, где взял водку?

– В твоём сельмаге, – как ни в чем не бывало ответил пастух.

– Ломанул замок?!

– Не-а, гвоздем открыл.

– По зоне соскучился?.. Ну, блатяга, упеку тебя в казенный дом!

– Не поднимай хипиш по пустяку. За мелочовку теперь не садят. Отделаюсь штрафом.

– Показывай, что украл!

Кипятилов раскрыл пакет. Там было две поллитровки с водкой «Столица Сибири», булка белого хлеба и кругляш колбасы.

– Где остальное? – прищурясь, спросила Клава.

- Один поллитряк отдал Сумеркину. Запиши это на наш с Кузьмой счет. Мы уплатим.
- А выручку кто вернет?
- Какую выручку?! – удивился Кипятилов. – Не лепи горбатого! Деньги я не брал.

Можешь обыскать. У меня в карманах пусто, как у грешника на душе.

Обыскивать Шиферова не стала. Она никогда не оставляла выручку в магазине. Хранила ее вместе со своими деньгами в тайнике на квартире. Однако для порядка спросила:

- Честно, не брал?
- Гадом стать!
- А зачем в лес направился?
- Хочу в кибитке, у старого пастбища, перекусить да вздремнуть на лавке. Не раздувай, Клаша, ноздри. Мы с Кузьмой, правда, уплатим за взятое в долг.
- Ну, алкаши!.. Прямо беда с вами...

Шиферова, брезгливо поморщившись, пошла в село, к магазину. Оглядев открытый гвоздем замочек, зацепленный дужкой за кольцо пробоя на дверном косяке подсобки, села на ступеньку крыльца и задумалась. Вот-вот должен был приехать Сидоренко, но отдавать ему деньги вдруг опять расхотелось. Очень уж подходящий выпал случай, чтобы под предлогом неожиданной кражи затянуть отдачу, а там авось еще что-нибудь удачное подвернется...

Приехавший с Денисом Филоновым Сидоренко застал Шиферову в слезах. Всхлипывая и вытирая надушенным платочком «поплывшие» от размокшей косметики глаза, Клава придумала легенду, будто приготовленные для возврата десять тысяч лежали под прилавком в магазине. Уголовный блатяга Кипятилов, пристроившийся в селе пастухом, украл их вместе с тремя бутылками водки и теперь обмывает удачу в вагончике возле бывшего пастбища, где грибники собирают шампиньоны.

- Ты не сочиняешь? – недоверчиво спросил Сидоренко.

– Ей-богу, Николай Григорьевич, сама видела, как Эдик поплелся туда, но побоялась с ним связываться, – поклялась Клава.

– Эдика я знаю, – сказал Филонов. – Подвернувшиеся на деле бабки Чайник не оставит. Поедем, шеф, к пастбищу. Отымем у нахала тысячи, пока не прокутил их.

Сидоренко согласился. По знакомой дороге управлявший «жигулями» Николай Григорьевич в считанные минуты подъехал к вагончику. Кипятилов сидел за столом с ополовиненной поллитровкой и закусывал колбасой с хлебом. Грузный Филонов, едва протиснувшись в узкую дверь, усмешливо сказал:

- Салют, Чайник.
- Здравствуй, Филин, – не прекращая жевать, ответил Кипятилов.
- Киряешь?
- Киряю. Стакана нет. Если будешь из горла, бери пузырь и глотай сколько духу хватит. Жадный до выпивки Денис протянул было руку к бутылке, но Сидоренко одернул его:
- Брось, не за тем приехали.

Филонов, словно подавившись, откашлялся. Уставясь на равнодушно жующего Кипятилова, спросил:

- Водку у Клавки Шиферовой взял?
- Угу.
- Зачем полез в закрытый магазин?
- Выпить до зарезу захотелось.
- Сколько кусков бабок попутно прихватил?
- Нисколько. Не хочу на срок нарываться.
- Не темни, Чайник!
- Гадом стать, Филин, не темню. Ты что выпендриваешься, как сорвавшийся с цепи полкан?

– Не задирай хвост! Выкладывай десять тысяч!

– Ну, бляха-муха... Совсем офонарел или неудачно головой ушибся?.. – Кипятилов медленно встал и разом вывернул карманы брюк. – Смотри, пусто-пусто...

– Раскалывайся, куда затырил бабки?

– Ну, ты точно – захарчеванный чувак. Я ведь Клашке сказал, что выручку не трогал, а за взятое в долг уплачу.

Филонов зло прищурился:

– Это кто «захарчеванный»?

– Ну, не я же...

Денис, задрав на выпуклом животе рубаху, демонстративно вытащил из-за пояса пистолет и направил его Эдику в грудь. Эдик мгновенно схватил со стола нож. В ту же секунду хлестко, как щелчок пастушьего бича, жажнул пистолетный выстрел. Кипятилов отпрянул и, запрокидываясь навзничь, безжизненно рухнул на пол. Сидоренко, наблюдавший эту сцену со стороны, остолбенел. Придя в себя, он чуть не с кулаками набросился на убийцу:

– Ты что натворил, балбес?!

– Нечаянно, шеф, сорвалось, – растерянно глядя на пистолет, дрожащим голосом говорил Филонов. – Такое самодельное говно, только выкрасить да выбросить.

– Нечаянно... Ты ножа испугался!

– Испугаешься... А если б Чайник мне в пузо пырнул, лучше было бы, да?.. – Денис нервно передернул покатыми плечами. – Пора, шеф, искать затыренные Чайником бабки.

– Какие «бабки»?! Надо уносить отсюда ноги. Садись, балбес, скорее в машину!..

В горячке Николай Григорьевич не обратил внимания на удар об пень. Лишь выехав с проселка на трассу, он заметил, что руль ведет в сторону. Ехали молча. Когда впереди показались окраинные дома райцентра, Филонов насупленно сказал:

– Не мандражи, шеф. Если Клавка нас не заложит, все само собой ушумкается. Из-за Чайника сыщики рыть землю не станут. Избавление от уголовника для них радость великая...

Высадив Дениса на окраине, Сидоренко заехал на станцию техобслуживания. После ремонта «жигулей» чуть полегчало, но моральная тяжесть продолжала давить словно в кошмарном сне. Чтобы отвлечься, следующим утром после бессонной ночи Николай Григорьевич поехал в Новосибирск на оптовую базу за продуктами для кафе. Всю дорогу истязал себя упреками за необдуманный поступок. Украденные Шиферовой десять тысяч теперь казались пустяком, не стоившим выеденного яйца. Вернулся домой уставшим до предела и, когда внезапно увидел приехавшего оперуполномоченного уголовного розыска Славу Голубева, едва не упал в обморок. Обдумывая после состоявшегося разговора свои ответы, ужаснулся несусветной лжи. Окончательно же доконал Николая Григорьевича заявившийся вскоре Филонов. Денис был заметно навеселе. Глядя на потемневшее лицо Сидоренко, он с ехидной усмешкой спросил:

– Чего страдаешь, шеф, будто родную мамку похоронил?

– Ты больше не появляйся в кафе, – сухо сказал Николай Григорьевич.

– Увольняешь или как?..

– Увольняю.

– За что?

– За Кипятилова.

– Жалеешь уголовника?

– Жалею. Уголовник тоже человек.

Филонов расхохотался:

– Какой от такого человека прок? Чайник ведь прожженный ворюга.

– Вору лучше палачей.

– На кого намекаешь?

– На тех, кто убивает.

– Шеф, ты это... не того... – Фионов набылчлсь. – Не задрай хвост! Замочу раньше, чем ты меня заложлшь!

– Исчезнл, негодяй! – крлкнул Слдоренко.

После второй бессонной нол Слколай Грлгорьевлч твердо релл явлться к Славел Голубеву с повлннлой. Изнуренный за двое суток душевной болью, он уже не боялся судебной ответственности за допущенную глупость и нлкак не предполагал, что трусливый Денлс Флонов, накачавшись наркотлком, рлскнет осулществлть свою угрозу средь бела дня л в людном месте...

* * *

За ублйство Кплпятллова л покушелне на Слдоренко Флонов был прлговорен к восьми годам ллшенля свободы с отблтьем наказанля в колонлл строгого релжлма. В свое оправданлне Денлс не сказал нл слова, а выступленле защлщавшего его адвоката слушал с таким удлвлненлем, словно тот говорлл о каком-то другом, очень млоом человеке.

Зачлнщлца этой крлмлнальной лсторлл Шлфлрова тоже оказыалась на скамье подсу-длмых. В последнем слове перед вынеселнем прлговора Клава в пух л прах раскрлтлковала «порочный релжлм», создавший прелпрлнлмателей-спекуллнтов, бессовестно граблщлх народ; крутых оллгархов, нагло разворовавших Росслю, л легендарного Чубайса, который всегда л во всем влноват. Трудно сказатъ, что повлляло на судебное релшенле: то лл мло-дому судье прлглянулся элелгантный костюм, облегалющлй статную флгуру подсу-длмой, то лл пылкая релчь обллчлтельнлцы релжлма прлшлась по душе полжлым заседателям, лменуе-мым в среде уголовнлков «квлаламл», но отделеалась Клава легкым испугом. Ел определлл л три года ллшенля свободы условно.

Слколай Грлгорьевлч Слдоренко, учлтывая его члстосердечное прлзнанлне, релшенлем суда был оправдан полностью.

Ноябрь – декабрь 2002 г.

Фартовые бабочки

Глава 1

Гроза разбушевалась внезапно. Затянутое с утра серенькими облачками июньское небо к полудню вдруг за клубилось лиловыми тучами, и с первым же трескучим раскатом грома после ослепительного росчерка молнии на небольшой районный городок обрушился такой ливень, что улицы райцентра тотчас же стали походить на вышедшие из берегов бурлящие речки.

Кабинет районного прокурора Антона Бирюкова погрузился в плотный сумрак. Пришлось включить настольную лампу. Вскоре зазвонил телефон. Бирюков, сняв трубку, назвал. В ответ – молчание, затем робкое покашливание и – короткие гудки отбоя. Бирюкову подумалось, что звонивший ошибся номером. Минут через пять вновь раздался телефонный звонок. Как и прошлый раз, Бирюков ровным голосом ответил:

– Прокурор слушает.

– Товарищ... – шамкающий, похоже, старческий голос вроде бы сорвался, кашлянул. – Извиняюсь, гражданин прокурор, но, по моим соображениям, рэкетеры сей момент ломают магазин «Марианна».

– Кто это говорит? – спокойно спросил Бирюков.

– Дак, какая вам разница, кто... Гражданин России.

– Фамилию свою можете назвать?

– Извиняйте, не могу. Боюсь, за этот сигнал в правоохранительные органы налетчики пришибут меня.

– Тогда коротко скажите, что произошло.

– Перед началом грозы три богатыря, ростом под потолок, подъехали на легковушке к «Марианне», а через короткий промежуток времени, уже под ливнем, сломя головы выскочили из магазина и пулей умчались от него.

– Как они внешне выглядят, эти «богатыри»?

– Двое – вылитые рэкетеры. В черных, кажется, кожаных пиджаках. Штаны физкультурные. Голова у одного стрижена коротко. У другого волосы длиннее. Этот, кажись, еще и с усиками. А который за руль сел, будто бы в милиционерской форме.

– Машина какая?

– Дразнилка из-за бугра.

– Иномарка, что ли?

– Ага. Красная. Formой вроде жигулевской «девятки», только не «девятка». И тем более не «запорожец», не «москвич» и не отечественная «Волжанка».

– Номер машины не запомнили?

– При таком водопаде номеров не разглядишь. К тому же, от моего дома до «Марианны» порядком... – говоривший словно чего-то испугался: – Извиняйте, гражданин прокурор. Хотите – верьте, хотите – проверьте. – И положил трубку.

Бирюков машинально поглядел на часы – было полчаса первого. За окном пуще прежнего гроыхала гроза. Звонок мог оказаться провокационным, чтобы из озорства сгонять оперативную группу в непогоду на пустое дело. Однако сообщение могло быть и правдивым. Ливень создавал для преступников благоприятные условия: сводил до минимума число любопытных свидетелей и блистательно замывал следы. Недолго поколебавшись, Бирюков набрал номер оперуполномоченного уголовного розыска Голубева. Услышав знакомый голос, сказал:

– Вячеслав Дмитриевич, какой-то аноним только что сообщил мне, будто совершено нападение на магазин «Марианна». Надо проверить.

– Антон Игнатьич! – воскликнул эмоциональный Голубев. – В такую дурную погоду добрый хозяин собаку на улицу не выгоняет. Давай подождем, пока всемирный потоп закончится, а?..

– Слава, ждать да догонять – хуже всего.

Голубев огорченно вздохнул:

– Ладно, уговорил. Сейчас нырну из отдела в оперативный «уазик» и, если он не заглохнет от воды, помчусь, как на моторке, рассекав волны до «Марианны».

– На всякий случай эксперта-криминалиста возьми с собой.

– Лена Тимохина у меня в кабинете, слышит наш задушевный разговор.

– Будет что-то серьезное, сразу звони мне.

– Об этом мог бы и не предупреждать. В серьезных делах без прокурора я как без рук, без ног и без головы.

– Голову, Слава, всегда надо иметь при себе, – пошутил Антон.

– Постараюсь учесть полезный совет.

Гроза, будто по заказу, прекратилась так же внезапно, как и началась. Едва Бирюков переговорил с Голубевым, отдаленно пророкотал лениво затихающий раскат грома, и сквозь поредевшие лохмотья туч пробилось яркое солнце. А минут через десять о ливне напоминали лишь мокрые деревья, дымящийся испариной асфальт да заполненные мутной водой придорожные кюветы.

Тревожный звонок Голубева Бирюков почувствовал интуитивно. Оперуполномоченный угрозыска скороговоркой выпалил:

– Игнатьич, срочно собирай следственно оперативную группу и – к «Марианне»! Здесь труп...

– Чей? – хмуро спросил Антон.

– Продавщицу задушили.

Глава 2

Магазин «Марианна» получил свое название в честь популярной мексиканской кино-героини вскоре после того, как ошарашенные перестроенной встряской россияне вдоволь наплакались перед экранами телевизоров вместе с заморскими богачами, которые, оказываясь, тоже плачут. Раньше на его месте возвышалась кирпичная водонапорная башня, именуемая в народе «водокачкой». Смонтированное в незапамятные царские времена насосное оборудование на многолетней службе социализму износилось, что называется, до ручки. По этой причине «водокачку» пришлось демонтировать, оставив в сохранности только монументальный остов башни. Зброшенное бесхозное строение сразу привлекло внимание жителей ближних улиц. Люди, словно неустоймые муравьи, карабкались по металлической винтовой лестнице на вершину башни, растаскивая ее по кирпичику в собственные дворы. Однако укоротить дореволюционный монумент удалось только наполовину. Кладка нижней части оказалась настолько прочной, что никакие ухищрения райцентровских умельцев не смогли без ущерба для кирпича разрушить созидательную работу старых каменщиков.

Безжалостное время в конце концов превратило бы останки башни в заросшие бурьяном руины, да, видно, не суждено было этому стать. Докатившаяся до глубинки волна реформ превратила маленький сибирский городок в большую барахолку. Местные палаточники и заезжие корабейники заволонали райцентр импортным тряпьем, всевозможными «Сникерсами», кофейными банками, сигаретами и резиновой жвачкой со всего белого света. Торговать стали – кому не лень. Стремительная поступь великих перемен неожиданно решила и судьбу бывшей «водокачки». Вслед за узаконенной спекуляцией в райцентре началась удалая приватизация. Начальники-паханы без зазрения совести за просто так становились владельцами построенных на народные деньги коттеджей и особняков, стоимость которых даже по застойным ценам выплескивалась за многие сотни тысяч. Чиновники рангом пониже кромсали от общественного пирога хотя и не столь жирные, но тоже «крутые» куски, подкидывая рядовым гражданам, как говорится, с барского стола, что Бог пошлет. В самый разгар дележа госимущества районные отцы-благородители широким жестом отвалили ставшее ненужным обществу укороченное водонапорное строение «в безвозмездное пользование» участнику афганской войны Паше Таловскому, указав в протоколе цель приватизации: «Для переоборудования под жилье и магазин на правах частной собственности». Паша – стриженный под рэкетира тридцатилетний холостяк ростом почти два метра и весом за сто килограммов – еще до Афгана был известен в районе тем, что несколько лет подряд завоевывал республиканский титул чемпиона по каратэ среди юношей спортобщества «Урожай». Вырос знаменитый каратист в местном детдоме. Окончив школу-интернат, он бесшабашно завалил приемные экзамены в лесной техникум, после чего с горем пополам осилил при ДОСААФе шоферские курсы и с чистой совестью отправился в составе одной из сибирских дивизий выполнять интернациональный долг. Из Афганистана Таловский вернулся с двумя медалями: от Наджибуллы и от Президиума Верховного Совета СССР. Быстро прокутив с корешами-спортсменами накопленную при выполнении интернационального долга валюту, Паша стал жить по своему излюбленному принципу: сила есть – ума не надо. Несколько лет провалял дурака инструктором в «Урожае». Потом, когда спортобщество стало разваливаться, всего за один месяц изуродовал, как Бог – черепаху, служебный «москвич» райкома ВЛКСМ, куда по недомыслию комсомольского вожака был принят шофером, и укатил в Новосибирск «зашибать приличные “бабки”», заявив друзьям на прощальном банкете, что с малолетства мечтает стать миллионером.

Какая причина помешала Паше осуществить голубую мечту, не знали даже самые закадычные его кореша, но года через полтора Таловский вернулся в родные «пенаты» явно

без миллиона и ни с того ни с сего вдруг стал нахраписто требовать у районной администрации полагающуюся, как воину-интернационалисту, льготную квартиру. Тут-то и подсунули Паше «в безвозмездное пользование» вместо квартиры осколок царского капитализма. Другой бы, на Пашином месте, от такого беспрецедентного подарка полез в «пузырь», а Таловский, к немалому удивлению собутыльников, внезапно проявил несвойственную ему деловую хватку. Он резко бросил пить, отмахнулся от интимных услуг местных куртизанок, за которыми раньше волочился напропалую, взял в Госбанке солидный краткосрочный кредит и, наняв строительную бригаду шабашников, за полтора месяца превратил основание бывшей «водокачки» в двухэтажный готического покроя терем, смахивающий на круглую кремлевскую башню. Укрепив над входной дверью хвастливую вывеску «Успех», означавшую название магазина, Таловский, по заведенному обычаю новоявленных российских бизнесменов, закатил в районном ресторане шикарную «презентацию», превратившуюся для него в многодневную пьянку. На этом, с позволения сказать, «торговая деятельность» Паши и закончилась – денег не осталось даже на закупку малой толики товаров, не говоря уже о возврате банковского кредита.

Выручила Таловского одноклассница по школе-интернату Жанна Мерцалова, имевшая в противоположность бесшабашно-дубоватому Паше неотразимую внешность и умную голову. После интернатовской восьмилетки Жанна успешно закончила не только среднюю школу, но и торговый институт, откуда сразу была приглашена на должность референта по торговым вопросам в Новосибирский горисполком. Судя по обильным подаркам, которые Жанна иногда привозила воспитанникам родного интерната, жила она на широкую ногу, а на вопрос интернатовских учителей – почему так долго не выходит замуж? – с лукавой улыбкой отвечала: «Жду, когда посватается молодой лауреат Нобелевской премии». В один из печальных для Таловского дней, когда Паша, вырвавшись из затяжного штопора «презентации», оказался у черты банкротства, Мерцалова приехала на личном ярко-красном новеньком «форде» в интернат с очередной кучей дорогих подарков. Узнав от учителей о Пашиной беде, она тут же нанесла однокласснику визит и побеседовала с ним с глазу на глаз до позднего вечера. После визита Жанны Паша повеселел. Уже через неделю Таловский вернул Госбанку кредит, переоформил документы о владении приватизированной собственностью на Мерцалову и своими руками заменил вывеску несостоявшегося «Успеха» на полюбившееся райцентровским телезрителям имя «Марианна».

Мерцалова, став хозяйкой двухэтажного терема, заняла верхний этаж, как и планировал Паша, под жилье, обставив три светлых комнаты и просторную кухню роскошной итальянской мебелью, а магазин заполнила богатейшим ассортиментом самых ходовых товаров и продуктов. По сравнению с другими торговыми точками райцентра цены у нее были самые низкие. Сама Жанна за прилавок никогда не становилась. Покупателей поочередно обслуживали две молоденькие, всегда улыбчивые продавщицы, приехавшие из Новосибирска вместе с Жанной. При деле остался и Паша Таловский. Незадачливому бизнесмену пришлось совмещать четыре должности: экспедитора, шофера, грузчика и охранника.

Вот, пожалуй, и все, что было известно о магазине «Марианна» прокурору Бирюкову, когда он во главе следственно-оперативной группы выехал на случившееся там ЧП.

Глава 3

В прокурорских «жигулях» вместе с Бирюковым к месту происшествия приехали ироничный толстяк судебно-медицинский эксперт Борис Медников и худощавый следователь прокуратуры Петр Лимакин. У входа в магазин их встретил щуплый, как подросток, Слава Голубев. Глядя на рослого Бирюкова снизу вверх, не дожидаясь вопросов, он возбужденно заговорил:

– Ну, Игнатьич, принесла нам гроза тайну, покрытую мраком. Когда мы с Леной Тимохиной «приплыли» сюда, ливень заметно ослаб. Дверь магазина была плотно прикрыта, но не заперта. Я осторожно заглянул в магазин. Там – ни души и тишина, будто в мертвом царстве. Быстро организовал в понятия двух теток из соседних домов. Вместе с ними вошли, огляделись. Никаких признаков ограбления. На полках все чин-чинарем, аккуратно. Чистота, словно в образцово-показательной аптеке. Заглянул за прилавок, а там... связанная по рукам и ногам продавщица лежит с кляпом во рту. Пощупал пульс – на нуле. Рука уже коченеть начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.